

Азбука

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГАРРИ
ГАРРИСОН

Крест
и король

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Молот и Крест

Гарри Гаррисон

Крест и король

«Азбука-Аттикус»

1994

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Гаррисон Г.

Крест и король / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус»,
1994 — (Молот и Крест)

ISBN 978-5-389-19795-4

Знаток ремесел, провидец и воин Шеф Сигвардссон поднялся из самых низов, чтобы возглавить могущественный народ викингов. Но его растущее королевство угрожает существованию всей Европы, и он обзавелся множеством опаснейших врагов. Церковные иерархи и их союзники, фанатики из рыцарского религиозного ордена, поклялись свергнуть Шефа любой ценой. Чтобы исполнить обет, им необходимо раздобыть священное копьё, оборвавшее жизнь Христа, и возродить Священную Римскую империю. Повинуясь ниспосланным свыше видениям, Шеф сражается, чтобы изменить ход истории, но кажется, даже сами боги вступили в заговор против него.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-19795-4

© Гаррисон Г., 1994
© Азбука-Аттикус, 1994

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гарри Гаррисон, Джон Холм Крест и король

Harry Harrison
ONE KING'S WAY
Copyright © 1994 by Harry Harrison
All rights reserved

Серия «Мир приключений»

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского Виктора Гаврилова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Татьяны Павловой
Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 1997
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Глава 1

Схваченная за горло одной из жесточайших на человеческой памяти зим, Англия лежала под мертвящей мантией снега. Великую Темзу сковало льдом от берега до берега. Дорога, ведущая на север к Уинчестеру, покрылась окаменевшими отпечатками копыт и мерзлым конским навозом. Лошади оскальзывались на льду, из их ноздрей вырывалось горячее дыхание. А всадники, поеживаясь от холода, глядели на потемневшие стены великого собора, безуспешно прищипывая своих верных, но усталых скакунов.

Было 21 марта в год 867-й от Рождества Христова; был день великого праздника. Вершилось королевское торжество. Места для зрителей заполнила военная аристократия Уэссекса, а также все олдермены, лендлорды и знатные горожане, кому было дозволено толпиться внутри каменных стен и, зевая и потея, прилежно наблюдать под неумолчный гул публики и толмачей, как разворачивается выверенный и пышный ритуал коронации христианского государя.

В нефе Уинчестерского собора, в самом первом ряду скамей, справа, сидел настороженный Шеф Сигвардссон, соправитель Англии – и полноправный сюзерен всех тех ее частей к северу от Темзы, которые мог удержать под своей рукой. Сюда его привела просьба Альфреда, больше похожая на приказ.

– Ты не обязан присутствовать на мессе, – заявил Альфред Шефу при его дружине. – Можешь даже не петь псалмы. Но я хочу, чтобы ты был на коронации, Шеф, при всех регалиях и короне. Просто ради приличия. Отбери самых заметных людей, и пусть все видят, что ты богат и силен. Я хочу, чтобы каждый убедился: меня полностью поддерживают северные язычники, победители Ивара Бескостного и Карла Лысого. Не дикие язычники, святотатцы и воры, Рагнарово семя, но люди Пути в Асгард, люди с нагрудными амулетами.

«Ну, это-то нам, по крайней мере, удалось», – оглядевшись, подумал Шеф.

Два десятка людей Пути, допущенные на почетные места, смотрелись по-благородному. На Гудмунде Жадном серебра и золота в виде браслетов, ожерелий и поясных блях было больше, чем на любых пяти лендлордах из Уэссекса, вместе взятых. Он, конечно, имел свою долю с трех знаменитых походов Шефа, слава о которых, хотя и легендарная, не была таким уж преувеличением. Торвин, жрец бога Тора, и его товарищ Скальдфинн, жрец Хеймдалля, чуждые мирской суете, облачились, однако же, в ослепительно-белые одежды и не забыли повесить на грудь свои пекторали – небольшой молот у Торвина и трезубец у Скальдфинна. Квикка, Озви и другие английские вольноотпущенники, ветераны войн Шефа, хотя и безнадежно заурядные в глазах молодых честолюбцев, умудрились вырядиться в неслыханно роскошные шелковые одеяния. Они бережно держали на плечах орудия своего ратного дела: алебарды, арбалеты и рукояти от воротов катапульта. Шеф подозревал, что сам вид этих людей, явно англичан низкого происхождения и при этом богатых настолько, что и присниться не могло среднему уэссекскому лендлорду, не говоря уж о простолюдинах, был самым убедительным молчаливым свидетельством побед Альфреда.

Церемония длилась уже много часов, начавшись с торжественной процессии от королевской резиденции к собору; расстояние едва достигало сотни ярдов, но каждый шаг требовал особого ритуала. Затем первые люди королевства сгрудились в соборе для причастия, не столько из-за религиозного рвения, сколько из-за ревнивого желания не упустить удачу или благословение, которые могут достаться другим. Среди них, как заметил Шеф, было много нелепо выглядевших, с недоразвитой мускулатурой и в грубой одежде – рабов, которых освободил Альфред, и простолюдинов, которых он жаловал. Они должны были разнести весть по своим городишкам и деревням, чтобы никто не усомнился: принц Альфред стал королем Западной Саксонии и Марки согласно всем установлениям, Божьим и человеческим.

В первом ряду, возвышаясь над окружающими, сидел маршал Уэссекса, выбранный в соответствии с обычаем из самых знаменитых воинов. Распорядитель на этой церемонии, Вигхерд, смотрелся по-настоящему внушительно: ростом ближе к семи футам, чем к шести, и весом в добрые двадцать английских стоунов; на вытянутых руках он держал меч короля с такой легкостью, будто это был прутик, и всем было известно о его сверхъестественном умении фехтовать алебардой.

Один из людей Шефа, сидевший слева от него, мало следил за церемонией, зато снова и снова оглядывался на ратоборца. Это был Бранд, из славных мужей Холугаланда, все еще изможденный и сморщенный, – в схватке на корабельных сходнях с Иваром Бескостным он получил тяжелую рану в живот. И тем не менее Бранд выглядел настоящим гигантом. Костям было тесно в его шкуре, суставы пальцев выпирали подобно утесам, а нависающие над глазами надбровья казались оборонительными валами. Кулаки Бранда, как однажды измерил Шеф, превышали пивную кружку: не просто огромные, но непропорционально большие даже для него. «Там, откуда я родом, мальчишки растут крепкими» – вот и все, что говорил об этом сам Бранд.

Шум толпы стих, едва получивший причащение и благословение Альфред повернулся к ней, чтобы произнести слова присяги. Впервые за время службы была забыта латынь и зазвучала английская речь, когда главный олдермен задал Альфреду церемониальный вопрос:

– Оставляешь ли ты нам наш старинный закон и обычай и клянешься ли своей короной блюсти справедливые законы и защищать права своих людей от любого врага?

– Клянусь! – Альфред оглядел набитый людьми собор. – Я всегда поступал по справедливости и буду так поступать впредь.

Пронесся одобрительный гул.

«Наступает острый момент», – подумал Шеф, когда олдермен шагнул назад, а вперед вышел епископ. Во-первых, епископ был непозволительно молод – на что имелись свои причины. После того как Альфред конфисковал имущество Церкви и был отлучен папой римским, после Крестового похода против отступника и заявлений об окончательном разрыве страну покинуло все старшее духовенство, от архиепископов Кентерберийского и Йоркского до последнего епископа и аббата. В ответ на это Альфред отобрал с десятков наиболее способных молодых священников и сказал им, что Церковь Англии отныне в их руках. Сейчас один из них, Энфрит, епископ Уинчестерский, каких-то шесть месяцев назад еще священник в никому не известной деревушке, вышел вперед, чтобы задать свои вопросы.

– Государь, мы просим твоей защиты для Святой Церкви и справедливых законов и правосудия для всех, кто к ней принадлежит.

Энфрит и Альфред целыми днями выработывали эту новую формулу, припомнил Шеф. В традиционной формуле говорилось о подтверждении всех прав и привилегий, о сохранении доходов и десятины, имущества и земельных владений – всего, что Альфред уже отобрал.

– Я дам вам защиту и справедливый закон, – отвечал Альфред. Он снова окинул взглядом собор и добавил непредусмотренные слова: – Защиту тем, кто принадлежит к Церкви, и тем, кто не принадлежит. Справедливый закон для верующих и для остальных.

Опытные хористы Уинчестера, монахи и иноки, грянули песнь о первосвященнике Садоке «Unxerunt Salomonem Zadok sacerdos», пока епископ готовился к торжественному миропомазанию, чтобы Альфред в буквальном смысле слова сделался помазанником Божиим, восстание против которого было бы святотатством.

«Вскоре, – подумал Шеф, – настанет трудный для меня момент».

Ему очень подробно растолковали, что в Уэссексе со времен недоброй памяти королевы Эдбур не было своей королевы и что жена короля отдельно не коронуется. Тем не менее Альфред настоял, чтобы его жена предстала с ним перед народом в память о самоотверженности, что она проявила в войне с франками. После возложения короны, вручения меча, перстня и

скипетра Альфред будет ждать, что его жена выйдет вперед и будет представлена собравшимся – не как королева, но как леди Уэссекс. И кому же еще вести ее к алтарю, как не брату и соправителю короля Шефу, владения которого смогут перейти к сыну Альфреда и леди Уэссекс, если у него не будет своих детей?

«Я теряю ее во второй раз», – горестно подумал Шеф.

Ему снова придется позабыть любовь, ту страсть, что некогда вспыхнула между ними. В первый раз виной всему был человек, которого они оба ненавидели, а теперь, словно в наказание, Шеф должен отдать ее человеку, которого они оба любят. Когда Торвин подтолкнул его могучим локтем, напоминая, что пора вести к алтарю леди Годиву со свитой девушек, Шеф перехватил ее взгляд – ее торжествующий взгляд – и ощутил, как его сердце обратилось в лед.

«Альфред может быть королем, – в оцепенении подумал Шеф. – А я – нет. У меня никогда не было на это прав и не осталось сил».

Когда хор перешел к молитве «Benedicat», Шеф принял решение. Он сделает то, чего хочет, а не просто выполнит долг. Он возьмет свой флот – новый флот соправителя – и обратит пылающий в душе гнев против врагов королевства: северных пиратов, флотилий франков, работорговцев из Ирландии и Испании. Против всех. Пусть Альфред и леди Годива будут счастливы дома. Он обретет мир и покой среди тонущих людей и гибнущих кораблей.

Утром того же дня на крайнем севере земли датчан совершалась более грубая и более устрашающая церемония. Пленник оставил попытки спастись. Он не был ни трусом, ни безвольным слабаком. Два дня раньше, когда люди Змеиного Глаза вошли в загон для рабов, он знал, что произойдет с тем, кого они выберут. Когда выбрали его, он знал также, что теперь должен использовать малейший шанс на спасение. И он это сделал: по пути украдкой нащупал слабину в наручной цепи и дождался, когда стражи погнались через деревянный мост, ведущий к цитадели Бретраборга, гнезду трех сыновей Рагнара. Неожиданно он хлестнул цепью вправо и метнулся к перилам, чтобы рухнуть в стремительный поток и в лучшем случае доплыть до свободы, а в худшем – умереть своей смертью.

Его стражники видели много подобных отчаянных попыток. Один ухватил беглеца за лодыжку, пока тот переваливался через перила, а двое других прижали так, что и не вырваться. Затем они методично избили пленника древками копий, не со злости, а чтобы он не мог быстро двигаться. С него сняли цепи и вместо них надели ремни из сыромятной кожи, скрутив их и смочив морской водой, чтобы, высыхая, давили потуже. Он не видел в темноте свои пальцы, иссиня-черные и распухшие, как у мертвеца. Если бы даже какой-нибудь бог вмешался и спас ему жизнь, руки спасать было бы поздно.

Но ни боги, ни люди не вмешивались. Стражи больше не обращали на него внимания, разговаривали между собой. Он не был мертв, поскольку то, к чему его готовили, требовало, чтобы жертва дышала, а главное, чтобы в ее жилах текла кровь. Но и только. Больше ни в чем нужды не было.

Сейчас, к концу долгой ночи, стражники перенесли его из строения, где стоял свежеспромоленный флагманский корабль, вдоль длинного ряда деревянных катков, образующих спуск к воде.

– Это мы. А вот он, – пробурчал их старший, крепкий мужчина средних лет.

– Как мы это сделаем? – спросил один из воинов, юный, отличавшийся от товарищей отсутствием регалий, шрамов и серебряных браслетов. – Я никогда этого не видел.

– Ну так смотри и учись. Первым делом разрежь ему ремни на запястьях. Нет, не бойся. – (Юноша колебался, машинально высматривая, куда мог бы побежать пленник.) – Он спекся. Взгляни на него: если отпустить, он не сможет даже ползти. Не урони его, осторожно. Просто освободи запястья, вот так.

Пленник пошатнулся, когда ремни были перерезаны, и увидел перед собой бледный, но разгорающийся отблеск.

– Теперь положи его на бревно. Животом вниз. Ноги вместе. А сейчас смотри, малыш. Запомни, это важно. Трэлл должен лежать спиной кверху, скоро узнаешь почему. Есть причина, чтобы руки не были у него сзади, и надо, чтобы он не мог отодвинуться. И еще надо, чтобы он не мог корчиться. Поэтому я делаю так. – Старший из воинов прижал лицо пленного к толстому сосновому бревну, на котором тот лежал, взял его руки и вытянул вперед, так что жертва стала похожа на ныряльщика. Из-за пояса он достал молоток и два железных гвоздя. – Обычно мы трэллов связываем, но сейчас, чтобы ты намотал на ус, поступим иначе. Я однажды видел такую штуку в христианской церкви. И конечно, гвозди были вбиты не туда, куда надо. Ох и дурни же эти христиане!

Покряхтывая от усилий, ветеран аккуратно вгонял гвоздь в запястье. Позади него толпились воины. Светало, на востоке обрисовались темные силуэты. Копья и шлемы зубчатым контуром отгородили часть неба, откуда солнце вскоре должно было бросить свой первый луч на происходящее и начать первый день нового года у викингов, – день, когда продолжительность тьмы и света одинакова.

– Он хорошо держится, – сказал юноша, когда наставник принялся вбивать второй гвоздь. – Больше похож на воина, чем на трэлла. Кто он такой, кстати?

– Он-то? Просто рыбак, которого мы захватили в прошлом году на обратном пути. И он не держится хорошо, а просто ничего не чувствует: руки давно омертвели. Теперь уже скоро, – добавил он для пригвожденного к бревну человека и потрепал его по подбородку. – В следующем мире не говори обо мне дурного. Если бы я плохо сделал свое дело, было бы много хуже. Но я все сделал правильно. Вы двое, привяжите ему ноги, гвоздей больше не надо. Ступни вместе. Когда придет время, мы его повернем.

Группка людей поднялась на ноги, оставив жертву распростертой вдоль соснового бревна.

– Готово, Вестмар? – раздался голос.

– Готово, господин.

Пока они работали, место позади них заполнилось людьми. На заднем плане, вдали от берега и фьорда, вздымались неясные очертания невольничьих загонов, корабельных мастерских и доков. Угадывались стройные шеренги барачников, служивших пристанищем для верных отрядов морских королей, сыновей Рагнара, – некогда четверых братьев, а ныне только троих. Из барачников потоком шли люди, одни мужчины – ни женщины, ни ребенка, – чтобы увидеть торжественное зрелище: спуск на воду первого корабля, начало военного похода, который принесет разор и гибель христианам и их союзникам на юге.

Однако воины попятнулись, построившись на берегу фьорда широким полукругом. К самому берегу вышло только три человека, все высокие и могучие, в расцвете сил, три оставшихся в живых сына Рагнара Мохнатые Штаны: седой Убби, похититель женщин; рыжебородый Хальвдан, заядлый борец и воин, фанатически преданный воинским обычаям и кодексу чести. Впереди них стоял Сигурд Змеиный Глаз, прозванный так, потому что белки окружали самые зрачки его глаз, словно у змеи; человек, который вознамерился стать королем всех земель Севера.

Все лица были обращены на восток: не покажется ли из-за горизонта краешек солнечного диска. В месяце, который христиане называют мартом, здесь, в Дании, по большей части бывают видны только облака. Сегодня же, как доброе предзнаменование, небо было чистым, не считая легкой дымки у края, уже подернувшейся розовым из-за невидимого пока солнца. Среди ожидающих поднялся легкий гул, когда вперед вышли толкователи примет, ссутулившиеся старики, со священными торбами, ножами и бараньими лопатками для предсказаний.

Сигурд смотрел на них холодно. Они были нужны воинам. Но он не боялся дурных предзнаменований, жалких пророчеств. Ведун, который вещал недоброе, так же легко мог оказаться на жертвенном камне, как и любой человек.

В мертвом торжественном молчании распростертый на бревне пленник обрел голос. Пригвожденный и связанный, он не мог пошевелить даже пальцем. Но ему удалось вывернуть голову назад, и он заговорил придушенным голосом, обращаясь к среднему из троих сыновей Рагнара:

– Что ты делаешь, Сигурд? Я вам не враг. Я не христианин и не человек Пути. Я датчанин и свободнорожденный, как и ты сам. Какое ты имеешь право отнимать у меня жизнь?

Его последние слова потонули в гуле толпы. На востоке пролегла полоска света, солнце вставало над почти плоским горизонтом Съелланда, самого восточного из датских островов. Змеиный Глаз повернулся, сорвал с себя плащ и махнул людям, что находились наверху, в доме.

Тотчас же заскрипели тали, и пятьдесят человек, лучшие из лучших в армии сыновей Рагнара, дружно крякнув, навалились всем своим весом на канаты, привязанные к уключинам. Из строения показалась драконья голова флагманского корабля Змеиноглаз, самого «Франи ормра», то есть «Сияющего червя». Вытянутая с плоского места на смазанные салом катки десятитонная махина, пятидесятифутовый киль сделан из самого прочного дуба во всей Дании.

Корабль достиг верхушки слипа. Распятый выгнул шею вбок, чтобы видеть свою судьбу, надвигающуюся сверху, и крепко сжал челюсти, чтобы сдерживать рвущийся крик. Только одного он мог лишиться своих мучителей – доброго предзнаменования для похода. Страха, отчаяния и воплей жертвы.

Воины разом налегли на канаты, нос клюнул, и корабль заскользил вниз, тяжело ударяя по каждому бревну. Когда крутой форштвень завис над приговоренным, тот закричал снова, вкладывая в каждое слово презрительный вызов:

– Какое ты имеешь право, Сигурд? Что сделало тебя королем?

Киль ударил его точно в поясницу, проехал и размозжил своей ужасающей тяжестью. Невольно легкие выдавили предсмертный стон, превратившийся в крик, когда боль превзошла все мыслимые пределы. Корабль пошел над жертвой – а катализики теперь притормаживали его, – и бревно с распятым повернулось. Кровь из растерзанного сердца и легких струей брызнула под давлением массивного кия.

Она выплеснулась и наверх, на развал бортов. Прорицатели, которые внимательно следили, пригнувшись как можно ниже, чтобы не пропустить ни одной детали, кричали и в восторге крутили длинными рукавами с бахромой:

– Кровь! Кровь на бортах для морского владыки!

– И крик! Предсмертный крик для предводителя воинов!

Корабль с плеском вошел в тихие воды Бретраборгского фьорда. В этот момент солнечный диск полностью поднялся над линией горизонта, пронзая дымку длинными лучами. Отбросив плащ, Змеиный Глаз схватил копьё и воздел его над тенями дока и слипа. Солнце пламенем зажгло восемнадцатидюймовый треугольный наконечник.

– Красный свет и красное копьё в новом году! – дружно воскликнули воины, заглушив вопли прорицателей.

– Что сделало меня королем? – крикнул Змеиный Глаз вслед отлетающей душе жертвы. – Кровь, что я пролил, и кровь в моих жилах! Потому что я богорожденный сын Рагнара, сына Волси, от семени бессмертных. А сыновья смертных – катки под моим килем!

Позади него армия викингов побежала к своим кораблям, команда за командой, торопясь занять место на переполненных слипах.

Та же зимняя стужа, что сковала Англию, царила и по другую сторону пролива. В холодном городе Кёльне в тот самый день, когда был коронован Альфред, одиннадцать человек сидели в пустом нетопленном зале большой церкви за сотни миль к югу от Бретраборга с его человеческими жертвоприношениями. Пурпурная с белым одежда пятерых из них отмечала архиепископский сан – но ни один не носил алого цвета кардиналов. Справа и позади от каждого из пяти сидел человек, одетый в простую черную рясу согласно уставу ордена Святого Хродеганга. Каждый был капелланом, исповедником и советчиком своего архиепископа – не имея чинов, но имея огромное влияние, а также весомые надежды унаследовать достояние князей Церкви.

Одиннадцатый человек тоже носил черную рясу, на этот раз рясу простого дьякона. Он украдкой рассматривал собравшихся, признавая и уважая их власть, но сомневаясь в своем праве на место за их столом. Это был Эркенберт, некогда архидиакон великого собора в Йорке и правая рука архиепископа Вульфхера. Но собора, разграбленного в прошлом году взбесившимися северными язычниками, больше не было. И Вульфхер, хотя и остался архиепископом, был просто приживалом у своих собратьев-архиепископов, объектом презрительного милосердия, как и его товарищ по несчастью, примас Кентерберийского собора.

Эркенберт не знал, зачем его позвали на эту встречу. Он не подозревал, что подвергается смертельной опасности. Комната была пуста не потому, что великий архиепископ Кёльна не мог себе позволить ее украсить. Она была пуста, так как он хотел, чтобы ни один соглядатай не мог в ней укрыться. Произносимые здесь слова, стань они известны, означали бы смерть для всех присутствовавших.

Собравшиеся медленно, постепенно, осторожно, прошупывая друг друга, подходили к общему решению. Теперь, когда оно было принято, напряжение спало.

– Итак, он должен уйти, – повторил архиепископ Гюнтер, организатор встречи в Кёльне. Молчаливые кивки собравшихся вокруг стола.

– Его ошибки слишком велики, чтобы смотреть на них сквозь пальцы, – подтвердил Тевтгард из Трира. – Не только поражение крестоносцев, посланных им против английских провинций...

– Хотя уже одно это знак Божественного нерасположения, – поддакнул известный своей набожностью Хинкмар из Реймса.

– Но еще он позволил прорасти семенам. Семенам худшего, чем поражение какого-то короля. Семенам раскола.

Слово было сказано, и сразу настала тишина. Все знали, что случилось в прошлом году. Когда под одновременным давлением норманнов и собственных епископов юный король западных саксов Альфред объединился с какой-то языческой сектой, прозываемой, как они слышали, Путем. Он успешно разбил викинга Ивара Рагнарссона, а затем и Карла Лысого, христианского короля франков и представителя самого папы. Теперь Альфред беспрепятственно правил в Англии, хоть и деля свой доминион с каким-то языческим ярлом, чье имя звучало неуместной шуткой. Но не шуткой было то, что в отместку за решение папы Николая послать крестоносцев Альфред объявил об отделении Английской церкви от Вселенской и Апостольской римской церкви. Еще меньше походило на шутку лишение Церкви в Англии ее земель и собственности. Альфред позволял проповедовать и служить службы только тем, кто готов был обеспечивать себе пропитание за счет добровольных подаяний паствы. Даже ходили слухи, что новая власть склоняет клириков к ремеслам или торговле.

– Из-за этих поражений, из-за этого раскола он должен уйти, – повторил Гюнтер, оглядывая сидящих. – Я утверждаю, что папа Николай обязан отправиться к Господу. Он стар, но недостаточно. Мы должны ускорить его уход.

Теперь, когда слово было произнесено, воцарилась тишина; князьям Церкви нелегко было говорить об убийстве папы. Мейнхард, архиепископ Майнца, суровый и жесткий, заговорил громким голосом:

– Мы сможем осуществить это?

Священник рядом с Гюнтером пошевелился и сказал:

– Затруднений не будет. В окружении папы есть люди, которым мы можем доверять. Эти люди не забыли, что они немцы, как и мы с вами. Яд применять не советую. Лучше подушка ночью. Если он не проснется, его место будет объявлено вакантным без всякого скандала.

– Хорошо, – произнес Гюнтер. – Хотя я и считаю смерть папы Николая необходимой, ему самому, перед Богом клянусь, я не желаю ни малейшего зла.

Остальные взглянули на него с легким скептицизмом. Все знали, что всего десять лет назад папа Николай сместил Гюнтера и прогнал его с глаз долой за непослушание. Так же он обошелся и с Тевтгардом из Трира, а потом обругал и отверг даже святошу Хинкмара.

– Это был великий человек, который выполнял свой долг так, как понимал его. Я не виню Николая даже за злополучную экспедицию короля Карла. Нет, дело не в Крестовых походах. Но он допустил ошибку. Скажи им, Арно, – обратился Гюнтер к своему помощнику. – Объясни, как мы понимаем дело.

Гюнтер откинулся на спинку и поднял золотой бокал с рейнским вином, от которого так сильно зависели его архиепископские доходы.

Молодой человек пододвинул свой табурет ближе к столу, и его резко очерченное лицо под ежиком светлых волос оживилось.

– Здесь, в Кёльне, – начал он, – мы тщательно изучили военное искусство. Не только в смысле собственно сражений, но также в более широком смысле. Мы попытались рассуждать не просто как *tacticus*, – употребил он латинское слово, хотя до сих пор все говорили на нижненемецком языке Саксонии и Севера, – но как *strategos* древних греков. И если мы подойдем к делу стратегически, – (тут Хинкмар поморщился от непривычной смеси латыни и греческого), – мы увидим, что папа Николай совершил роковую ошибку. Он не смог обнаружить то, что мы называем *punctum gravissimum*, то есть главную точку – точку приложения главных сил при нападении врага. Он не заметил, что настоящая опасность – опасность для всей Церкви – состоит не в ересях Востока, и не в борьбе папы против императора, и не в морских набегах приверженцев Махаунда, но в малоизвестных королевствах, в беднейших провинциях Британии. Потому что только в Британии Церковь столкнулась с тем, кто хуже врага, – с соперником.

– Он сам с Востока, – сказал Мейнхард презрительно.

– Совершенно верно. Он считает, что все происходящее здесь, на северо-западе Европы, в Германии, во Франции и в Низинных Землях, не имеет большого значения. Но мы-то знаем, что здесь свершится предназначение. Предназначение Церкви. Предназначение мира. Я готов сказать о том, о чем не скажет папа Николай: о новом избранном народе, о единственном бастионе на пути варваров.

Он умолк, его белое лицо зарделось от гордости.

– Насчет этого вы тут не встретите возражений, Арно, – заметил Гюнтер. – Итак, у Николая должен появиться преемник. Я знаю, – поднял он руку, – что кардиналы не выберут папой человека, у которого есть хоть капля здравого смысла, и мы не можем надеяться, что нам удастся добавить итальянцам ума. Но мы можем добавить им глупости. Думаю, все со мной согласятся: мы употребим деньги и влияние, чтобы был выбран человек, популярный в Риме, из хорошей итальянской семьи и притом полное ничтожество. И кажется, он уже облюбовал себе папское имя: Адриан Второй, как мне сообщили. Более серьезно то, что предстоит сделать поближе к дому. Не только Николай должен уйти, но и король Карл. Ведь он тоже потерпел поражение, причем от толпы крестьян.

– Карла уже нет, – решительно сказал Хинкмар. – Его бароны не простят унижения. Те, кто не был с ним, никогда не поверят, что французских копейщиков могли разбить какие-то пращники и лучники. А те, кто был в Англии, не хотят делить с ним позор. Веревка вокруг его шеи или кинжал под ребрами появятся и без нас. Но этого кто заменит?

– Прощу прощения, – тихо сказал Эркенберт.

Он слушал с величайшим вниманием и в какой-то момент понял, что эти люди, в отличие от помпезного и беспомощного английского духовенства, которому он служил всю жизнь, действительно ценят прежде всего ум, а не чины и звания. Младших выслушивали не одергивая. Любой мог поделиться своими идеями, и их могли принять. А если и отвергали, то с указанием причин и по здравом размышлении. Эти люди единственным грехом считали недостаток логики или воображения. Абстрактные построения опьяняли Эркенберта сильнее, чем винные пары из его кубка. Он почувствовал, что наконец-то оказался среди равных. А главное, он жаждал, чтобы и его приняли как равного.

– Я владею нижненемецким языком, потому что он похож на мой родной английский. Но позвольте мне сейчас перейти на латынь. Не понимаю, кем можно заменить французского короля Карла Лысого. И каких преимуществ достигнут собравшиеся при любом его преемнике. У него два сына, правильно? Карл и Луи. У него было три брата: Людвиг, Пипин и Лотар, из которых в живых остался один Людвиг; и у него, помнится, семь живых племянников, Луи, Карл, Лотар...

– ...Пипин, Карломан, Людвиг и Карл, – закончил Гюнтер и коротко хохотнул. – Наш английский друг из вежливости недоговаривает, что ни одного из них не отличишь от другого. Карл Лысый. Карл Толстый. Людвиг Саксонский. Пипин Младший. Кто из них кто и какое это имеет значение? На его месте я бы выразился так: потомок императора Карла Великого, самого Шарлеманя, потерпел поражение. Он не унаследовал доблести предков. Мы ищем нового папу в Риме, а здесь мы должны найти нового короля. Новую династию королей.

Сидящие вокруг стола настороженно посмотрели друг на друга, постепенно осознавая, что все они уже думали о неммыслимом. Гюнтер удовлетворенно улыбнулся: его поняли.

Снова набравшись смелости, Эркенберт заговорил:

– Это возможно. У меня в стране королевская династия была низложена. А в вашей – разве сам Карл Великий пришел к власти не благодаря делам своих предков, сместивших богорожденных, которым служили? Их убили, им публично срезали волосы, чтобы показать: нет больше святости. И мы сможем это сделать. В конце концов, что делает короля королем?

За все время лишь один человек не проронил ни единого слова, хотя изредка и кивал одобрительно: это был почитаемый всеми архиепископ Гамбурга и Бремена, что далеко на севере, ученик и последователь святого Ансгара архиепископ Римберт, прославившийся своей храбростью в священном походе против северных язычников. Стоило ему шевельнуться, и все взгляды устремились на него.

– Вы правы, братья. Династическая линия Карла никуда не годится. И вы не правы. Не правы во многом. Вы говорите о стратегии, о *punctum gravissimum*, о Западе и Востоке, и в мире людей ваши слова могут иметь смысл.

Но мы живем не только в мире людей. И я говорю вам, что папа Николай и король Карл совершили худшую ошибку, чем вам кажется. Я молюсь только о том, чтобы мы сами не допустили ее. Я говорю вам: они не веруют! А без веры все их оружие и все их планы – не больше чем плевелы и сор, которые уносит ветром гнева Господня.

Поэтому я скажу вам, что нам не нужен ни новый король, ни новая династия королей. Нет. Что нам теперь требуется, так это император! Император римский. Ведь мы, германцы, и есть новый Рим! Нам необходим император, чтобы возвеличиться.

Собравшиеся погрузились в разворачивающиеся перед ними видения, храня почтительное молчание. Его нарушил белобрысый Арно, капеллан Гюнтера.

– А как выбрать нового императора? – осторожно поинтересовался он. – И где его найти?

– Слушайте, – отвечал Римберт, – и я расскажу вам. Я расскажу вам о секрете Шарлеманя, последнего действительно великого римского императора на Западе. Я расскажу вам, что делает короля истинным королем.

Глава 2

Пахучий дух опилок и щепы ощущался в воздухе, когда Шеф и его спутники, хорошо выпавшиеся после долгого путешествия из Уинчестера, спустились к верфи. Хотя солнце лишь недавно осветило восток, сотни людей уже трудились – правили терпеливыми волами, влекущими огромные телеги со строевым лесом, теснились у круглых кузнечных горнов, сновали у канатнопрядильных станков. Стук молотков и визг пил несся со всех сторон, смешиваясь со свирепыми приказами десятников – но ни хлопка бича, ни вскрика боли, ни одного рабского ошейника.

Бранд, обозревая открывшуюся картину, оторопело присвистнул и покачал головой. Ему только-только разрешил вставать с постели его врач, коротышка Хунд, не переставший, впрочем, наблюдать пациента. До сих пор Бранд не видел всего, что было сделано за долгую зиму. И действительно, даже Шеф, который лично или через помощников каждый божий день проверял ход работы, с трудом верил своим глазам. Как будто бы он открыл запруду для накопившейся энергии, а не сам вкладывал ее в дело.

В эту зиму он не переставал удивляться, что все его желания сбываются.

По окончании в прошлом году войны в его распоряжении оказались богатства целой страны. Первейшей и неотложнейшей задачей было обеспечить защиту своего неокрепшего королевства. Шеф раздавал приказы, и его воеводы старались изо всех сил – строили боевые машины и тренировали их расчеты, сколачивали будущие непобедимые полки из освобожденных рабов, викингов Пути и английских танов, которые воинской службой отрабатывали аренду земли. Управившись с этим, Шеф обратился ко второй своей задаче – пополнению королевской казны. Его не устраивала замшелая традиция полагаться лишь на память в юридических делах, и он велел священнику Бонифацию составить точные списки земельной собственности и пошлин, долгов и налогов. С указанием завести во вновь присоединенных графствах те же порядки, что Шеф устанавливал в Норфолке. Это требовало времени и умения, но результаты уже сказывались.

А третью задачу Шеф мог доверить только самому себе: нужно было построить флот. Не вызывал сомнений печальный факт, что все битвы последних двух лет происходили на английской земле и за них было заплачено жизнью англичан. Способ усилить оборону, о котором думал Шеф, заключался в том, чтобы остановить врагов, и особенно викингов, не принадлежавших к Пути, там, где они царили безраздельно, – в море.

Опираясь на общую казну и налоговые прибыли Восточной Англии и Восточной Мерсии в придачу, Шеф немедленно приступил к постройке флота.

Ему остро не хватало опыта и помощи. Викинги Пути, среди которых было много искусных корабелов, за соответствующую мзду охотно делились своими знаниями и умениями. Торвин и его собрат, жрец Пути, заинтересовались до крайности и с головой погрузились в работу, как будто в жизни своей ни о чем другом и не мечтали – что, в общем-то, было верно. Они никогда не отступали от своего правила всеми способами стремиться к новому знанию, кормиться самим и поддерживать свою религию только благодаря владению ремеслами. Кузнецы, плотники и возницы со всей Восточной Англии стекались в то место, которое Шеф избрал для своей верфи на северном берегу Темзы. Новый военный порт располагался на его земле, через реку от владений короля Альфреда, чуть ниже по течению от Лондонского торгового порта, в деревеньке Крикмаут, и предназначался для защиты – или для угрозы – на стратегических направлениях и к Английскому каналу, и к Северному морю.

Некого было поставить во главе этих людей. А требовалось удержать искусных и опытных работников в подчинении, чтобы осуществить план, который был разработан Шефом, но противоречил всему их жизненному опыту.

Сначала возглавить верфь было предложено Торвину, но тот отказался, пояснив, что в любой момент может уехать, если потребуют дела его веры. Тогда Шеф вспомнил про Удда, бывшего раба, который почти без посторонней помощи сконструировал арбалет и изготовил опасную катапульту с крутильным механизмом. Что, по мнению некоторых, и явилось причиной поражения Ивара Рагнарссона, завоевателя Севера, а через несколько недель – Карла Лысого, короля франков, в том сражении, которое стали называть битвой 866 года при Гастингсе.

Но Удд не справился и вскоре был смещен. Выяснилось, что, будучи предоставлен самому себе, этот человечек способен интересоваться только тем, что сделано из металла. А командовать у него получалось даже хуже, чем у раздувающего мехи мальчонки, все из-за природной скромности. Удд был переведен на гораздо более подходящую для него работу – узнавать все, что только можно, о различных сталях.

Неразбериха росла, и Шефу пришлось задуматься, кто же ему действительно нужен: человек, знакомый с морем и кораблями, умеющий руководить другими, но не настолько независимый, чтобы изменять приказания начальства, и не настолько консервативный, чтобы ухитриться не понять их. Таких людей Шеф почти не знал. Единственно возможной кандидатурой оказался рив рыбацкой деревеньки Бридлингтон, Ордлаф, захвативший два года тому назад Рагнара Мохнатые Штаны, за что Англия подверглась возмездью Рагнарссонов. Сейчас он подошел приветствовать Шефа.

Шеф переждал, пока Ордлаф не преклонит колени и не поднимется. Прежние его попытки обойтись без официального ритуала приветствия вызывали недоумевающие и обиженные взгляды английских танов.

– Я кой-кого привел посмотреть на работы, Ордлаф. Это мой друг и бывший шкипер Вига-Бранд. Он с далекого севера, из Холугаланда, и он плывал побольше многих. Я хочу услышать, что Бранд думает о наших новых кораблях.

Ордлаф ухмыльнулся:

– Господин, сколько бы ни ходил под парусом твой друг, сейчас у него глаза ползут на лоб. Таких штукovin раньше никто не видел.

– Верно – вот прямо здесь штуковина, какой я никогда не видел раньше. – Бранд указал на яму в нескольких ярдах.

Находившийся в ней человек тянул на себя рукоятку шестифутовой пилы. За другую рукоятку держался работник, стоявший наверху, на огромном бревне. Отпиливаемые от бревна доски тут же подхватывали помощники.

– Как они это делают? На моей памяти доски всегда вытесывались скобелем.

– И я тоже не наблюдал подобного, пока не оказался здесь, – ехидно ответил Ордлаф. – Секрет заключается в двух вещах. Во-первых, особые зубья у пилы, которые сделал мастер Удд. А во-вторых, пришлось научить этих остолопов, – (в этот момент остолопы ухмыльнулись), – не толкать пилу, а просто по очереди тянуть ее на себя. Сберегает уйму материала и сил, – закончил он нормальным голосом.

Доска отделилась от бревна и была унесена подручными, а пильщики поменялись местами; тот, что побывал внизу, вытряхивал из волос опилки. Пока работники переходили, Шеф заметил у одного на шее амулет в виде молота Тора, который носило большинство рабочих, а у другого – едва видный христианский крест.

– Но это еще цветочки, – говорил Ордлаф. – То, чем король действительно хочет похвастаться, – это его краса и гордость, десять кораблей, построенных по его замыслу. И один из них, господин, мы уже готовы показать тебе, мы его закончили, пока ты был в Уинчестере. Ты увидишь его вон там.

Он вывел Шефа и Бранда через ворота в высоком частоколе к полукругу пирсов, выдающихся в тихую речную заводь. Глазам открылось десять кораблей, на которых трудились люди; ближний выглядел уже достроенным.

– Вот, любезный Бранд. Видел ты что-нибудь подобное по эту сторону от Холугаланда?

Бранд задумчиво разглядывал огромный корпус. Потом он медленно покачал головой:

– Отродясь не видывал такой громадины. Говорят, самый большой корабль в мире – флагман Змеиного Глаза, «Франи ормр», «Сияющий червь», на котором пятьдесят гребцов. Этот не меньше. И все остальные под стать. – В его глазах появилось сомнение. – Из чего сделан киль? Вы что, соединили торцами два бруса? Если так, это может сгодиться на реке или вблизи берега при хорошей погоде, но на глубокой воде...

– Каждый киль из цельного бревна, – перебил его Ордлаф. – Ты, должно быть, забыл, господин, так я позволю себе напомнить: у вас на Севере приходится работать с тем лесом, который можно достать. И хотя, как я вижу, люди там вырастают высокими и крепкими, этого нельзя сказать о деревьях. А у нас есть английский дуб, и про него я могу сказать, что не встречал стволов прочнее или длиннее.

Бранд снова принялся разглядывать корабли и качать головой:

– Ладно-ладно. Но какого дьявола вы сотворили с мачтой? Она не на своем месте. И торчит вперед, точно елда у восемнадцатилетнего! С такой мачтой далеко уплывет ваш громадный корабль? – В его голосе звучало разочарование.

Шеф и Ордлаф разулыбались. На этот раз слово взял Шеф:

– Бранд, вся штука в том, что у этого корабля только одно назначение. Не пересекать океан, не перевозить бойцов с копьями и мечами, не доставлять грузы. Это корабль для боя. Для боя с другими кораблями. Но он не будет сходить к борту борт и рубиться команда с командой. И даже не будет таранить носом, как древнеримские суда, о которых рассказывал отец Бонифаций. Нет. Он должен утопить чужой корабль вместе с командой, и сделать это надо издали. И для этого мы знаем только один способ. Помнишь метательные машины, которые я собирал той зимой в Кроуленде? Что ты о них думаешь?

Бранд пожал плечами:

– Хороши против пехоты. Не хотел бы, чтобы такой камешек попал в мое судно. Но как тебе известно, для попадания нужно точно определить дистанцию. Когда оба корабля в движении...

– Согласен, не попасть. А что скажешь насчет копьеметалок, которые мы использовали против конницы Карла?

– Могут убивать людей по одному. Корабль им не потопить. Копье пробьет дыру, да само же ее и заткнет.

– Остается последнее оружие, то, что архидиакон Эркенберт изготовил для Ивара. С его помощью Гудмунд пробил частокол вокруг лагеря под Гастингсом. Римляне называли его онагр – дикий осел. Мы нарекли его мулом.

Моряки по сигналу стащили просмоленную рогожу с приземистой прямоугольной конструкции, установленной точно в центре беспалубного корпуса.

– Ну, что скажешь?

Бранд задумчиво покачал головой. Он лишь однажды видел онагр в действии, и то издали, но запомнил, как телеги разлетались на куски и целые упряжки волов размазывало по земле.

– Этого никакой корабль не выдержит. Один удар – и рассыплется весь корпус. Но вы зовете его мулом, потому что...

– Он взбрыкивает при отдаче. Идем, покажу, что мы сейчас делаем.

Все поднялись по сходням, чтобы взглянуть на новое оружие вблизи.

– Смотри, – объяснял Шеф. – Он весит тонну с четвертью. Так нужно. Видишь, как устроен? Крепкий трос идет к нижней раме, там вал с двумя рукоятками. Двое наматывают трос на вал и слева и справа одновременно. При этом опрокидывается этот метательный рычаг. – Шеф похлопал по вертикально стоящему пятифутовому бревну, с конца которого свисала широкая кожаная петля. – Он ложится назад, ты его крепишь железным ключом и закручиваешь вал до отказа. Потом выбиваешь ключ. Рычаг устремляется вперед, взбрасывая петлю с камнем...

– И бьет по отбойной перекладине. – Ордлаф дотронулся до поперечного бруса на массивной раме, прикрытого тюфяком с песком. – Рычаг останавливается, а камень летит вперед. Бросок получается пологий и сильный, этак на полмили. Но ты уже знаешь, в чем загвоздка. Мул приходится делать тяжелым, чтобы выдержал отдачу. Он должен стоять строго по длинной оси судна, поэтому рама закреплена прямо над килем. А поскольку он такой увесистый, мы были вынуждены поставить его посередине между носом и кормой.

– Но ведь там должна быть мачта, – возразил Бранд.

– Нам пришлось ее передвинуть, – сказал Шеф. – Об этом тебе Ордлаф расскажет.

– Понимаешь, любезный Бранд, – заговорил Ордлаф, – у меня на родине строят лодки, похожие на ваши, с высокими штевнями, обшивают досками внакрой и все такое. Но они нам нужны для лова рыбы, а не для дальнего плавания, поэтому мы их оснащаем по-другому. Ставим мачту спереди и еще наклоняем ее к носу. И по-другому кроим паруса. Не прямоугольные, как у вас, а косые.

Бранд фыркнул:

– Знаю. Если отпустишь рулевое весло, твое судно развернется по ветру и нипочем не встанет бортом к волне. Рыбацкий трюк. Достаточно безопасно. Но скорости нет. Особенно со всем этим грузом. Как быстро ходит этот корабль?

Шеф и Ордлаф переглянулись.

– Совсем не быстро, – признался Шеф. – Гудмунд устроил гонки, еще когда тут не было тяжелого мула, и на своем корабле носился вокруг нас кругами. Но видишь ли, Бранд, нам не нужно никого догонять! Если встретим в открытом море флот и он пойдет на нас, мы будем стрелять! Уйдет противник назад, и ладно, для нас важнее всего защитить берег. Если прорвется, мы развернемся и потопим его, не позволив высадиться. Это не грузовое судно, Бранд, а корабль для боя.

– Военный корабль, – согласно кивнул Ордлаф.

– А сможешь ты его развернуть? – спросил Бранд. – Я про мул. Удастся ли прицелиться в другую сторону? Помнится, твои копьеметалки разворачивались.

– Над этим мы работаем, – ответил Шеф. – Попробовали установить машину на поворотный круг, но слишком тяжело было поворачивать, и отдача ломала ось. Удд предлагал крепить мул на железном шаре, но... В общем, пока можно стрелять только прямо по курсу. Зато мы додумались поставить с другой стороны второй рычаг, вал с тросом и прочее. Отбойная перекладина, конечно, только одна. Но мы теперь запросто можем стрелять и вперед, и назад.

Бранд снова покачал головой. Он чувствовал, как корабль покачивается под ногами, это в тихой-то речной заводи, а что будет в открытом море? Весит мул тонну с четвертью, и он установлен довольно высоко, чтобы стрелять поверх планшира. Тяга паруса прилагается далеко от центра корабля. Рея длинная, так что парус можно сделать очень широким, отметил он. Но управлять им сложновато. Бранд не сомневался, что рыбак свое дело знает. И конечно же, выпущенный мулом камень способен натворить бед. Вспомнив о хрупких судах, на которых он когда-либо плавал, – доски даже не были прибиты, а просто привязаны веревками из звериных сухожилий, – Бранд с легкостью вообразил, как конструкция разлетается на куски, а команда – все пятьдесят бойцов Сигурда Змеиный Глаз – барахтается в воде.

– Как вы хотите его назвать? – вдруг спросил он, машинально коснувшись висящего на груди молоточка. – Для удачи.

Ордлаф вытянул из-под рубахи свою пектораль – серебряную лодку Ньёрда.

– У нас десять военных кораблей, – сказал Шеф. – Я хотел назвать их в честь богов Пути – «Тор», «Фрейр», «Риг» и так далее, но Торвин не позволил. Он сказал, что мы накличем беду, если будем вынуждены говорить: «„Хеймдалль“ на мели» или «„Тор“ застрял на песчаной банке». И тогда было решено назвать каждый корабль именем одного из графств моего королевства и по возможности набрать для него команду из этого графства. Вот этот – «Норфолк», там – «Суффолк», дальше – «Остров Или», «Букингем»... Что скажешь?

Бранд колебался. Как и все моряки, он суеверно почитал удачу и не хотел неосторожным словом накликать порчу на замыслы своего друга.

– Скажу, что ты опять придумал что-то новенькое и, может быть, твои «Графства» строем пройдутся по морям. И уж точно я не хотел бы столкнуться с одним из них в бою, а ведь меня не назовешь самым робким из норманнов. Глядишь, однажды править морями станет король Англии, а не король Севера. Скажи мне, – продолжал он, – куда ты хочешь пойти в первый рейс?

– Через Английский канал к немецкому берегу, – ответил Шеф. – Вдоль береговой линии за Фризские острова и в датские воды. Это главный пиратский маршрут. Мы будем топить всех встреченных пиратов. С этих пор каждый, кто захочет напасть на нас, должен будет идти из Дании открытым морем. В конце концов мы разрушим их базы, достанем их в их собственных гаванях.

– Фризские острова, – пробормотал Бранд, – устья Рейна, Эмса, Эльбы и Айдера. Что ж, я скажу тебе одну вещь, юноша. Там везде сложное судоходство. Понимаешь, о чем я? Тебе понадобится лоцман, который знает проливы и берега, а когда не видно ни зги, сможет провести корабль с помощью слуха или нюха.

Ордлаф заупрямился:

– Да мне всю жизнь хватало лота, впередсмотрящих и лага. И непохоже, что удача изменила с тех пор, как я бросил хозяев-монахов и нашел себе богов Пути.

Бранд фыркнул:

– Я ничего не имею против богов Пути.

И снова они с Ордлафом одновременно коснулись своих амулетов, и на этот раз смутившийся Шеф тоже полез за своим необычным украшением в виде лесенки – символом его покровителя Рига.

– Спору нет, от богов бывает польза. Лот, лаг и впередсмотрящие – тоже хорошее подспорье. Но за Бременом вам понадобится нечто большее. Это говорю вам я, Бранд, первый среди мужей Холугаланда.

Трудники столпились их послушать. Те, кто впервые видел короля, подталкивали друг друга, показывая на незнакомый амулет Рига.

Солнце, проникая через высокие окна библиотеки кафедрального собора в Кёльне, освещало страницы манускриптов, разложенных на массивном аналое. Дьякон Эркенберт, из-за малого роста едва дотягивающийся до его верхнего края, застыл в задумчивости. Библиотекарь, зная, что архиепископ благоволит к Эркенберту и поощряет его штудии, позволил дьякону работать самостоятельно – даже с огромной драгоценной Библией, на которую пошли шкуры восьмидесяти телят.

Эркенберт сравнивал тексты. Могла ли фантастическая история, недавно рассказанная архиепископом Римбертом, оказаться правдой? Тогда, на встрече, в нее поверили все: и архиепископы, и их советники. Но ведь она льстила их гордости, льстила патриотическим чувствам народа, постоянно отвергаемого и недооцениваемого могучим Римом. Эркенберт не разделял

этих чувств – во всяком случае, пока не разделял. Англичане, помня историю своего обращения в христианство благословенным папой Григорием, долгое время хранили верность Риму. И чем Рим отблагодарил их? Если рассказанное Римбертом – правда, то, возможно, пришло время для верности... кому-то другому.

Итак, тексты. Главным среди них был тот, который Эркенберт хорошо знал, мог бы цитировать, будучи разбужен посреди ночи. Тем не менее не грех взглянуть снова. Четыре евангельские повести о распятии Христа слегка отличались друг от друга – лишнее доказательство их подлинности, ибо кто же не знает, что четыре свидетеля события всегда запомнят каждый свое? Но Иоанн... Иоанн сказал больше других. Переворачивая огромные жесткие листы, Эркенберт нашел нужное место и стал перечитывать его, негромко проговаривая латинские слова и мысленно переводя их на родной английский.

– «...Sed unus militum lancea latus eius aperuit. Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра».

Копьем, подумал Эркенберт. Римским солдатским копьем.

Эркенберт лучше многих знал, как выглядит оружие римских воинов. В доме близ великого Йоркского собора, где он жил когда-то, немало сохранилось от Эборакума – казарм Шестого легиона. Легион ушел из Британии четыреста лет назад, метрополия отозвала его для участия в гражданской войне, но большая часть арсеналов осталась, и много нерасташенного и неиспорченного оружия лежало в подземельях. Не знающие износу бронзовые детали катапульты, которую Эркенберт собрал для язычника Ивара, были подлинной старинной работы, такой же доброй, как и те времена. Железо ржавеет, но все-таки Эркенберт видел сверкающую и вычищенную, как на парад, полную экипировку римского легионера: шлем, панцирь, короткий меч, наголенники, щит и, конечно, копье с длинным железным наконечником – пилум, называемый также lancea.

Да, подумал Эркенберт, это может быть правдой. И нет сомнений, что Святое Копье, которое пронзило грудную клетку Сына Господня, могло сохраниться в своей материальной сущности. Ведь я сам видел и держал в руках оружие, которому не меньше лет.

Но кому пришло бы в голову сохранить такую вещь? Тому, кто понял значение этого оружия в тот самый миг, когда оно было использовано. Иначе копье вернулось бы в казарму и затерялось среди тысяч себе подобных. Кто мог сохранить этот пилум? Судя по тому, что говорил архиепископ, это не был набожный Иосиф из Аримафеи, которого евангелист Иоанн упоминает четырьмя стихами ниже.

Такой человек, тайный ученик Христа, вполне мог выпросить у Пилата разрешение похоронить тело, мог сохранить чашу, которую Иисус благословил для учеников на Тайной вечере, – хотя Иоанн о том не упоминает. Но он не сумел бы завладеть казенным оружием римлян.

А вот центурион... Эркенберт задумчиво листал страницы, переходя от одного Евангелия к другому. Центурион упоминался в трех из них, и во всех трех сказано очень похоже. У Луки – «истинно Человек этот был праведник», у Марка – «истинно Человек сей был Сын Божий», у Матфея – «воистину Он был Сын Божий». А в четвертом Евангелии, от Иоанна, не мог ли автор упомянуть центуриона как «одного из воинов»? Если центурион, выполняя свои обязанности, пронзил грудь Иисуса, а затем увидел чудо или ощутил Божественное присутствие – что было бы для него естественней, чем сохранить свое копье?

А что было с центурионом после казни Иисуса? Эркенберт повернулся к другой книге, небольшой, потрепанной, без обложки, – по-видимому, сборнику писем с рассуждениями о землях, кредитах и долгах, написанными в разное время разными людьми, – к книге, которую большинство библиотекарей давно решило бы отскоблить для повторного использования.

Эркенберт занялся письмом, о котором говорил Римберт. Оно выглядело достаточно прозаично. Письмо римского времени, написанное на латыни – на плохой латыни, с интере-

сом отметил Эркенберт, рукой человека, знающего только команды и незнакомого с откровениями грамматики, – в заголовке извещало, что послано каким-то Гаем Кассием Лонгином, центурионом Тридцатого легиона *Victrix*, то есть Победоносного. С благоговением живописующее распятие бунтовщика в Иерусалиме, оно было отправлено центурионом на родину для... Имени не разобрать, но определенно что-то германское, не то Бинген, не то Зобинген.

Эркенберт выпятил нижнюю губу. Подделка? Письмо явно переписывалось несколько раз, но за столько-то веков и не могло быть иначе. Если бы переписчик старался подчеркнуть важность документа, стал бы он делать такую убогую копию, выводить буквы жутким почерком? Что касается самой истории, Эркенберт не сомневался, что в году от Рождества Господа нашего тридцать третьем центурион легиона в Иерусалиме мог быть родом из Рейнской земли. Или из Англии, если угодно. Разве сам великий Константин, сделавший христианство официальной религией империи, не был объявлен императором в родном для Эркенберта Йоркском соборе?

Главным текстом был третий, современный, созданный, как Эркенберт определил по стилю, не ранее чем лет тридцать назад. Это было описание жизни и смерти императора Карла Великого, чьи выродившиеся – по мнению архиепископа Гюнтера – потомки ныне бездарно правили Западом. Многие были уже известны Эркенберту: войны императора, его покровительство учености. Как ни на минуту не забывал Эркенберт, Карл призвал Алкуина, тоже жителя Йорка, тоже скромного английского дьякона, управлять судьбами и просвещением всей Европы. Алкуин был человек большой учености, это так. Но учености книжной, а не практической. И он не был арифметикусом, как Эркенберт. Нигде не сказано, что арифметикус не может быть так же велик, как поэт.

Но в этих хрониках Карла Великого было нечто такое, о чем Эркенберт не слышал, пока Римберт не подсказал ему. Не о том, как император умер, что было общеизвестно, но о предвестивших смерть знамениях. Эркенберт переложил книгу под яркий солнечный свет и углубился в чтение.

Император Карл Великий, говорилось в книге, в возрасте семидесяти лет возвращался со своей сорок седьмой победоносной войны, против саксов, в полном здравии и силе. Однако на вечернем небе сверкнула комета. *Cometa*, подумал Эркенберт. То, что мы называем волосатой звездой. Длинные волосы – это знак святости короля. Именно поэтому предшественники Карла публично стригли королей, которых свергали. Волосатая звезда упала. И когда она упала, утверждает хроника, конь императора заблажил и сбросил его. Сбросил так яростно, что перевязь меча оторвалась. А копье, которое Карл держал в левой руке, вырвалось и улетело за много ярдов. В это самое время в императорской часовне в Ахене слово «принцепс» – или «принц» – навсегда исчезло с надписи, которую император заказал в свою честь. Карл умер через несколько недель, сообщалось в книге, и до самого конца настаивал, что эти знамения вовсе не означают, будто бы Бог отвернулся от него. И все же самым грозным из них было падение копья, каковое император всегда носил с собой, – ведь это, утверждал хронист, было не что иное, как *beata lancea*, Святое Копье германского центуриона Лонгина. В юности Карл забрал его из тайника в Кёльне и не расставался с ним во всех своих многочисленных походах и войнах.

Тот, кто держит это Копье, говорила хроника, вершит судьбы мира. Но ни один мудрец не знал, куда оно подевалось, потому что графы Карла Великого после его смерти разыграли Копье в кости и никому не открыли, кто тогда выиграл.

А если верить Римберту, никто не знает и до сих пор, подумал Эркенберт, отрываясь от книги. По сведениям архиепископа, Святое Копье было увезено графом Регинбальдом в Гамбург и хранилось там как реликвия, украшенное золотом и драгоценными камнями. Но двадцать лет назад северные язычники разграбили Гамбург, и оно исчезло. Было украдено каким-нибудь варварским царьком или ярлом. Может быть, уничтожено.

Хотя нет. Раз это святая реликвия, Провидение должно охранять ее. А если Копье украшено золотом и самоцветами, даже язычники будут его ценить.

Значит ли это, что какой-нибудь вождишка святотатцев станет повелителем Европы, новым Карлом Великим? Вспомнив Рагнара Мохнатые Штаны, которого он сам отправил в змеиную яму, и его сыновей Убби, Хальвдана, Ивара и сущее чудовище по прозвищу Змеинный Глаз, Эркенберт съежился от страха.

Этого нельзя допустить. Если реликвия находится в руках язычников, ее необходимо вызволить, к чему так страстно призывал и Римберт. Вызволить и передать новому императору, кто бы он ни был, чтобы снова объединить христианский мир. Но где гарантии, что вся эта история о копье, распятии и германском центурионе не окажется вымыслом, мифом?

Оставив книги, Эркенберт подошел к окну и засмотрелся на мирный весенний пейзаж. Он наведалься в библиотеку, чтобы заглянуть в документы, и остался удовлетворен результатом. В рассказанных евангелистами историях концы с концами сходятся. Более того, он понял, что это правильные истории. Хотелось поверить в них. И он знал, почему хочет этого.

«Вся моя жизнь, – думал Эркенберт, – отдана в руки бездарей». Неумехи архиепископы вроде Вульфхера, неумехи-монархи вроде Эллы или его безмозглого предшественника Осберта, тупые таны, малограмотные попы, получившие свои места только благодаря какому-нибудь родству с сильными мира сего. Англия – злосчастная страна, где все его планы рушились, как замки из песка.

Но все обстоит по-другому в стране германских князей-архиепископов. Здесь царит порядок. Советников выбирают за ум и образованность. Практические вопросы решаются безотлагательно, и того, кто способен в этом помочь, всячески поощряют. И природные ресурсы здесь гораздо богаче. Эркенберт знал, почему удостоился величайшего внимания Гюнтера, – он всего лишь распознал в деньгах архиепископа серебро высокой пробы и спросил, где оно добывается. В новых рудниках, ответили ему, в горах Гарц. Ну а люди, умеющие отделять серебро от свинца и других примесей, здесь всегда в цене.

«Да, – подумал Эркенберт. – Мне нравятся эти священники. Я хочу, чтобы они приняли меня как своего».

Но примут ли?

Эркенберт уже понял, что они кичатся своим происхождением и языком. А он здесь чужак. Он невысок, да еще и темноволос, а они ценят высокий рост и светлые волосы, считая их своим отличительным признаком. Где взять уверенность, что его судьба – здесь? Эркенберту нужен был знак.

Лучи послеполуденного солнца неумолимо ползли по аналою и полкам с книгами. Отвернувшись от окна, Эркенберт увидел их сияние на открытой странице. Поблескивал обильно украшенный инициал, выполненный в виде фантастического рисунка: сплетенные змеиные тела, сверкающие золотом, серебром и рубинами.

Это английская работа, подумал Эркенберт. Он заново осмотрел гигантскую Библию, которую прежде листал, интересуясь только текстом, а не ее оформлением или происхождением. Определенно английская работа, и притом из Нортумбрии. Может быть, и не из Йорка, а из Уирмута или Джарроу, из скриптория самого Беды Достопочтенного, – из тех времен, когда еще не пришли викинги разорять монастыри. Как эта Библия попала сюда?

Как до этих земель добралось христианство? Для Карла Великого Гамбург и Бремен были языческими городами. Веру принесли сюда английские миссионеры, люди одной с Эркенбертом крови, блаженные Виллиброрд, Винфрид и Виллибальд, ниспровергатель идолов. «Мои соотечественники передали им великий дар, – сказал себе Эркенберт в приступе гордости. – Христианское учение и понимание того, как ему следовать. Я напомню об этом, если кто-нибудь попрекнет меня происхождением».

Эркенберт аккуратно вернул драгоценные книги на полки и вышел. Арно, советник архиепископа, сидел на скамье во двореке. При появлении низкорослого дьякона он поднялся:

– Ну как, брат мой? Ты удовлетворен?

Эркенберт улыбнулся в приливе уверенности и энтузиазма:

– Полностью удовлетворен, брат Арно. Можешь считать, что преподобный Римберт обратил в свою веру первого иностранца. Благословен тот день, когда он рассказал мне об этой величайшей из реликвий.

Арно тоже улыбнулся, возникшее было напряжение спало. Он уважал маленького англичанина за ученость и проницательность. И в конце концов, разве англичане не разновидность тех же самых саксов?

– Ну что ж, брат, не заняться ли нам богоугодным делом – поисками Святого Копья?

– Да! – с чувством откликнулся Эркенберт. – А потом займемся делом, ради которого Копье было послано, – поисками истинного правителя, нового римского императора на Западе.

Шеф лежал на спине, отдыхал, временами проваливаясь в полудрему. Флот должен отправиться в плавание следующим утром, и, судя по рассказам Бранда о трудностях морской жизни, спать следует при каждой возможности. Но вечер выдался трудным. Шеф обязан был принять всех своих шкиперов, десять англичан-шкиперов, которых с трудом подобрал, чтобы командовать военными кораблями, и сорок с лишним викингов Пути, которым поручил вести его обычные суда. Пришлось произнести много тостов и никого не обделить добрым словом.

Когда же Шеф от них отделался, он решил доверительно потолковать с Брандом, но оказалось, что выздоравливающий друг пребывает в дурном настроении. Он не согласился идти с Шефом на «Норфолке», предпочтя свой собственный корабль и команду. Бранд утверждал, что не будет удачи, раз так много людей во флотилии не знают *haf* – слов, помогающих морякам поминать женщин, кошек или священников, которые, как известно, приносят беду. Обнаружив, что покинут даже Торвином, который собирался плыть на «Норфолке», Бранд снова взялся пересказывать мрачные легенды своей родины, в основном о невиданных морских тварях, русалках и марбендиллах – людях, которые разгневали эльфов из шхер и были превращены в китов, – а под конец о нечестивце и безбожнике, чья лодка исчезла в морской пучине, схваченная длинной рукой, покрытой седым волосом.

На этом Шеф прервал беседу. Сейчас он лежал, со страхом ожидая, что ему привидится во сне.

Когда пришел сон, Шеф сразу понял, где очутился. Он попал в Асгард, обитель богов, и стоял как раз перед самым большим тамошним зданием, Валгаллой, домом Одина и героев.

В отдалении, хотя и в пределах Асгарда, виднелась обширная равнина, на которой разыгрывалась какая-то хаотическая битва без линии фронта; бой, в котором каждый бился против всех, сраженные то и дело падали, обливаясь кровью.

День шел, а люди валялись и больше не вставали. Бой распался на ряд поединков. Победитель умирал, победитель находил себе нового противника. Под конец остался один-единственный человек, жестоко израненный и опирающийся на огромный окровавленный топор. Издалека доносились выкрики.

«Хермот! – с трудом разобрал Шеф. – Хермот!»

Мертвые стали подниматься, отсеченные руки и ноги прирастали к телам, зияющие раны затягивались. Помогая друг другу, бывшие враги со смехом вспоминали, как они только что рубились. Постепенно тысячи бойцов образовали длинную колонну по двенадцать человек и строевым шагом двинулись к огромному зданию. Во главе шел воин с огромным топором. Они обогнули Валгаллу, пройдя в нескольких футах от незамеченного Шефа, свернули влево и, не смешав рядов и не сбавив шага, влились в здание через двусторчатую дверь, сейчас рас-

пахнутую настесь. Дверь захлопнулась. Свет мерк – надо же, даже в Асгарде бывает ночь. Изнутри доносился шум пира.

Тут к дверям проковылял человек в грубой одежде. Глядя на него, Шеф понял, что только в Асгарде такое существо могло бы жить. Туловище было разорвано надвое, и верхняя половина раскачивалась без всякой связи с ногами. Ребра были выпростаны наружу, талия расплющена, словно растоптанная громадным зверем. Из-под одежды торчали развороченные внутренности.

Калека дошел до ворот Валгаллы и уставился на них. Внутри раздался один из тех могучих голосов, которые Шеф слышал раньше: недовольный и циничный голос его собственного патрона – или отца? – бога Рига, друга ловкачей и обманщиков. Нет, голос был холодный и скрежещущий. Это хозяин дома, подумал Шеф. Это сам могучий Один.

– Кто прислал тебя, человечика?

Шеф не мог услышать глухой ответ, но владелец голоса услышал.

– А, понятно. Узнаю его работу. Среди моих героев для него найдется местечко. Когда придет время.

Калека заговорил снова. И снова беззвучно.

– Ты? – сказал могучий голос. – Для подобных тебе здесь нет места. Кто ты такой, чтобы занять место в строю и выступить против отродья Фенрира, когда мне понадобятся воины? Убирайся! Ступай на кухню. Может быть, моему управляющему Тьялфи нужен еще один блюдолиз.

Калека повернулся и похромал вокруг здания, в направлении, противоположном тому, откуда пришло войско. На его лице было беспросветное отчаяние, какого Шеф надеялся никогда больше не увидеть.

Ему даже смерть не принесла упокоения, подумал Шеф. Почему боги допускают такое зло? Что заставляет их быть столь жестокими?

Глава 3

Со своего наблюдательного пункта на корме переднего корабля Шеф смотрел вдоль кильватерной линии. «Бедфордшир», четвертый корабль каравана, выбился из строя, что беспрестанно делал с тех пор, как методом проб и ошибок было достигнуто нынешнее строгое походное построение. Все десять английских военных кораблей, как упрямо называл их Ордлаф, шли курсом строго на восток, и юго-западный ветер дул сзади и сбоку – удобней и быть не может, гораздо лучше, чем в плавании у немецких берегов близ устья Рейна, когда ветер дул точно сзади. И все равно «Бедфордшир» постепенно отваливал в сторону открытого моря.

Нет смысла кричать идущему непосредственно сзади кораблю, чтобы по эстафете передали приказ шкиперу «Бедфордшира». Тот прекрасно знал, как важно держаться в строю, на ночных стоянках ему об этом многократно внушали все остальные шкиперы. В конструкции его корабля была какая-то ошибка. По той или иной причине получался очень сильный снос по ветру, который всегда проклинал Ордлаф. Этим нужно заняться по возвращении в порт. А пока «Бедфордшир» сделает то, что и всегда, – выйдет из строя ярдов на сто, а затем переложит парус и вернется на свое место.

В то время как остальные шли более или менее прямо, «Бедфордшир» выписывал пологие кривые, подобные узору на литом мече.

Большого вреда в этом нет, по крайней мере сейчас, заключил Шеф. Несколько дней назад, когда он и остальные новички наконец перестали травить за борт, к нему пришла важная догадка. Причина, по которой викинги правят морями и могут появляться в любой точке западного мира, несмотря на все предосторожности и противодействие христианских королей, проста: они очень хорошо ходят под парусом. Шеф не ожидал, что это дело окажется настолько трудным.

Матросы и шкиперы, которых он набрал в английских портах, были неплохими моряками, но по-своему, а не так, как викинги. Почти сплошь рыбаки; что они умели, так это возвращаться домой живыми. Если их детишки сидели с пустым животом, эти люди, как и Ордлаф, шли в море едва ли не при любой погоде. Но им не нужно было заходить дальше соседней банки или косы и уж совсем не требовалось появляться где-то внезапно. Что касается прочих членов команды – арбалетчиков и обслугу мулов, – то морской быт для них оказался тяжким испытанием. Не меньше шести, пытаясь справиться нужду, свалились за борт, хотя в спокойных прибрежных водах их, конечно, выловили. Главная причина, по которой Шеф требовал ночью делать стоянку, – мысль о приготовлении пищи на ходу внушала ему ужас.

От «Бедфордшира» с его проблемами Шеф повернулся к унылому песчаному берегу, скользящему с правой стороны – по штирборту, как говорят моряки, – со стороны, где было установлено длинное рулевое весло.

Шеф развернул большой пергамент, на котором пытался чертить карту незнакомых территорий. Многие ему рассказывали встреченные обитатели Фризских островов, которые ощущали свою близость одновременно и к англичанам из-за родственного происхождения, и к людям Пути, чью религию и обряд основал сто пятьдесят лет назад их собственный ярл Радбод. Но самое главное, на Фризских островах жили беднейшие из бедных. На этих песчаных косах, иногда миль до двадцати в длину, но никогда не шире одной мили, при набеге викингов ни хижина, ни стадо овец не могли просуществовать дольше десяти минут. Островитяне довольствовались самым малым, да и то готовы были бросить в любой момент.

Это не значит, что они не мечтали о мести. Как только по островам разнеслась весть, что этот загадочный флот – английский и идет он войной на викингов, каждый вечер на огонек стали тянуться люди, готовые поделиться сведениями за кружку пива или серебряную монетку новой чеканки.

С их слов картина была ясна. За Эйсселмером начинается гряда островов, которые, как и прилегающий берег, тянутся на восток и чуть-чуть забирают к северу. На дальнейшем пути названия островов становились более понятными. Тремя днями раньше были пройдены Тексел, Влиланд и Терсхеллинг – Шеф не представлял, что могли означать эти слова. Но потом возник Схирмонниког, а за ним шел ряд сходных названий – Лангеог, Шпикерог и Норденей. Их смысл понять было легко, потому что оог в горланном фризском языке означало «ей» – остров, а коог походило на знакомое норфолкское «кей» – отмель.

Все эти острова были просто песчаными банками, наносами, что остались от веками стекавших в море речных вод, постоянно грозивших занести все илом. Впервые цепь разрывалась в устье реки Эмс. Дальше шло сдвоенное устье Яде и Везера, где-то внутри скрывавшее укрепленный епископальный город Бремен. Впереди, за Вангероге, последним в длинной цепи Фризских островов, скользивших сейчас справа по борту, в море впадала могучая Эльба, в устье которой располагались порт и цитадель Гамбурга с его властителем – архиепископом. Гамбург, разграбленный викингами пару десятилетий назад – как рассказывал принимавший в том участие Бранд, – был уже отстроен заново: самое острие христианского меча, нацеленного на Данию и дальше на Скандинавию.

Еще будет время зайти в Гамбург и Бремен. Но сейчас Шеф намеревался прорваться через устье Эльбы к тому месту, где берег заворачивал на север в сторону Северо-Фризских островов и полуострова Ютландия, южной части Дании. В сторону равнин, с которых, как утверждал кое-кто из его моряков, англичане в свое время, столетия назад, отправились грабить Британию и бить римлян.

Шеф ощутил легкое волнение. Кто знает, вдруг там все еще остались англичане, которых можно поднять на борьбу против несомненно угнетающих их датчан? Но будет достаточно, если он хотя бы доберется до тех мест – и вернется назад, испытав корабли и прибавив своим морякам уверенности и опыта.

Что нам действительно нужно, размышлял Шеф, разглядывая пометы на карте, так это сведения о том, что лежит в средней части цепи островов, между островами и побережьем. Если бы флот мог идти там, мы не боялись бы непогоды и нехватки пресной воды – это была бы легкая прогулка, как дома по фарватеру Грейт-Уза или Стора. Мы бы прятались в засаде, чтобы наброситься на флот викингов.

Но Ордлаф наотрез отказался вести флот вдоль берега, и Бранд поддержал его. Сложные для судоходства воды, повторял он. Не суйся в них без лоцмана, который здесь родился и вырос и которому можно доверять. Косы, мели, течения, приливы. Посадить судно на песчаную банку или скалу так же легко, как на мысе Фламборо. Даже легче, добавил Ордлаф. Мыс Фламборо, по крайней мере, виден.

Шеф не переставал удивляться, насколько велико презрение викингов к английскому морскому искусству. В этом походе оно только нарастало, насмешки викингов становились все резче, и Шефу уже приходилось удерживать команду «Норфолка» – они рвались зарядить мул и отправить нескольких самых нахальных на дно. Флот по-прежнему шел походным строем: десять кораблей тащились вдоль берега, прилагая все усилия, чтобы поддерживать приличную скорость, в то время как сорок вспомогательных судов – все ведомые викингами, все построенные на берегах Каттегата или норвежских фьордов, но имеющие на парусах вышитые молот и крест королевств Пути – высокомерно летели по волнам далеко впереди и значительно мористей. При этом никогда не скрываясь из виду. На горизонте всегда маячил парусник, с него пристально наблюдали за неуклюжими потугами англичан.

Посмеяться они умеют, думал Шеф. И умеют ходить под парусом, надо отдать им должное. Но сейчас мы затеяли нечто похожее на захват Йорка, новый вид войны. Нет необходимости, чтобы мои люди стали лучшими моряками со времен Ноева ковчега. Нам всего лишь нужно быть в море. Рагнарссоны или другие проклятые пираты Севера не смогут проскочить

мимо нас, они будут вынуждены подойти на дальность выстрела. И тогда мы их потопим. Лучший в мире моряк ничего не сможет сделать на разбитом корыте.

Он скатал свиток, сунул его в провощенный кожаный чехол и прошел вперед, чтобы ласково похлопать по надежной раме мула. Квикка, ныне главный катапультист флота, ухмыльнулся щербатым ртом при виде этого жеста. Из прошлогодней добычи ему достались сорок акров доброй земли и юная невеста – невообразимое богатство для того, кто был рабом у монахов Кроуленда, не имея ничего своего, кроме волынки из бычьего рога и пузыря. Однако он бросил все, даже свой шелковый наряд, ради этого морского похода. Трудно сказать, чего ему не хватало – богатства или чудес.

– Приближается парус! – неожиданно закричал впередсмотрящий со своего насеста на рее в пятнадцати футах над головой Шефа. – И сзади я вижу еще несколько! Все идут прямо на нас!

«Норфолк» мгновенно накренился, когда встревоженные моряки бросились к левому борту – бакборту, – чтобы взглянуть своими глазами. Минутное смятение, и помощник шкипера с надежными людьми отогнали их назад. Ордлаф ловко вскарабкался по свисающему с реи канату с узлами, глянул в ту сторону, куда указывал палец впередсмотрящего. С напряженным выражением лица соскользнул вниз, доложил:

– Это Бранд, господин. Все его корабли мчатся назад так быстро, как только возможно при боковом ветре. Они увидели что-то достаточно серьезное. Встанут борт о борт с нами, когда, – он показал на небо, – солнце дойдет дотуда.

– Лучше и быть не может, – сказал Шеф. – Ясное утро и долгий день для битвы. Скрыться пиратам некуда. Поддай людям обед пораньше. – Он сжал свой амулет, серебряную лесенку. – Да pošлет мой отец нам победу. А если Одину нужны герои для Валгаллы, – добавил он, вспомнив недавний сон, – пусть возьмет их на той стороне.

– И что же нам делать? – спросил Сигурд Змеиный Глаз.

Он разговаривал с двумя братьями, стоявшими по бокам от него на носу «Франи ормра».

– Англичане впереди, идут прямо на нас, а потом вдруг разворачиваются и уходят, будто узнали, что дома их жены предлагают себя всякому, кто вернулся раньше.

Позади раздался голос шкипера «Франи ормра», Вестмара:

– Прошу прощения, господин. Здесь Храни, впередсмотрящий, он хочет что-то сказать.

Сигурд повернулся и взглянул на юношу, которого вытолкнули вперед. Храни, как и почти вся команда – пятьдесят отборных ратоборцев, был в расцвете сил. Однако нищий, без единой искорки золота, и меч с простой костяной рукояткой. Отобран Вестмаром в команду, вспомнил Сигурд, за свою зоркость.

Рагнарссон не удостоил его вопросом, просто поднял одну бровь.

Уставившись в знаменитые змеиные глаза, со зрачками, окруженными белками, Храни покраснел, потом собрался с духом, слотнул и начал:

– Господин, прежде чем они отвернули, я хорошо рассмотрел головной корабль. На носу, как и вы, господин, стоял человек и смотрел на нас. – Он снова помялся. – Мне кажется, это был Бранд, Вига-Бранд.

– Ты видел его раньше? – спросил Сигурд.

Юноша кивнул.

– Подумай хорошенько. Ты уверен, что это был он?

Храни колебался. Если он ошибся... У Сигурда была репутация безжалостного убийцы, и на флоте все до последнего человека знали об испепеляющей его и братьев жажде мести. Найти и прикончить людей, виновных в смерти их безумного брата Ивара, – Скъефа-англичанина и Вигу-Бранда, Убийцу Бранда! Если братья будут разочарованы... Ну а с другой стороны, солгать им или скрыть, что видел, не менее опасно.

Храни несколько мгновений раздумывал, что же он на самом деле увидел, когда головной корабль неприятеля поднялся на волне. Нет, сомневаться не приходится. Замеченная им фигура слишком велика для любого другого человека.

– Да, господин. На носу головного корабля стоял Вига-Бранд.

Сигурд с минуту сверлил парня взглядом, затем медленно стянул с руки золотой браслет и протянул:

– Хорошая новость, Храни. Возьми награду за твою зоркость. Скажи-ка еще вот что. Как по-твоему, почему Бранд повернул назад?

Парень взвесил на руке браслет, не веря своему счастью. И нервно сглотнул, обдумывая ответ. Повернул назад? Почему люди поворачивают назад?

– Государь, он, должно быть, узнал «Франи ормра» и побоялся встретиться с нами. То есть с вами, – поспешил поправиться он.

Сигурд недовольно махнул рукой и повернулся к братьям.

– Так, – сказал он. – Вы слышали, что думает этот дурень. Ну а что думаем мы?

Хальвдан посмотрел на волны, ощутил щеками ветер, взгляделся в едва различимые точки парусов на горизонте.

– Разведка, – рассудил он. – Отправились за подкреплением. Пытаются заманить нас.

– Куда заманить? – спросил Убби. – Их было сорок. Мы примерно столько и ожидали. Такое число наших перешло, – он сплюнул в сторону, – к людям Пути.

– Другие люди Пути могут идти южнее, – предположил Хальвдан. – И натравили их жрецы. Мы бы знали, если бы их было больше.

– Получается, если подкрепление там есть, – заключил Змеиный Глаз, – оно должно быть из Англии. Англичане на море. Новое дело. А где мы видим что-то новое...

– Там рядом Сигвардссон, – закончил Убби, ощерив зубы.

– И он что-то затевает, – продолжал Сигурд. – Иначе не осмелился бы задирать нас, особенно на море. Смотрите, люди Пути меняют галс, поворачивают к берегу. Ладно, мы принимаем вызов. Посмотрим, чем они нас удивят. Может быть, мы тоже их удивим.

Он повернулся к Вестмару, почтительно стоявшему сзади:

– Вестмар, передай приказ всем кораблям приготовиться к бою. Паруса зарифить, поставить весла. Но мачты не снимать, и реи пусть будут на месте.

Вестмар на мгновение закатил глаза. Он побывал в десятках морских сражений во всех морях Англии, Дании, Норвегии, Швеции и Ирландии. Реи и мачты всегда снимали, чтобы убрать воздушный тормоз, обеспечить кораблю каждый лишний ярд скорости, которую можно развить на веслах. В ближнем бою некому возиться с парусами и не нужны помехи, заслоняющие стрелу или сулицу.

Он спохватился, исполнительно кивнув, развернулся и пролаял приказ своей команде и связным, чтобы передали его на все сто двадцать ладей, идущих по бокам и сзади. Быстро и умело флот Рагнарссонов приготовился к бою.

Шеф перегнулся через планшир, когда корабль Бранда, «Морж», завершил широкий разворот и оказался, как и вся флотилия людей Пути, в боевом построении рядом с десятью военными кораблями.

– Змеиный Глаз? – закричал Шеф.

– Да. Впереди «Франи ормр», это точно. Их в три раза больше. Надо принять бой. Если попытаемся убежать, они догонят нас до темноты.

– Мы не для этого пришли, – ответил Шеф. – План не забыл?

Бранд кивнул и стянул с шеи длинный красный шарф из шелка. Перейдя к подветренному борту, он распустил шарф, и тот заполоскался, подхваченный ветром.

На судах позади него тут же убрали зарифленные паруса и стали выдвигаться вперед, перестраиваясь в цепь. Последовал залп приказов Ордлафа, и «Норфолк» стал замедлять свой и без того тихий ход, а другие военные корабли тоже принялись маневрировать, становясь не в шеренгу, а в колонну, и так тесно, что над кормой переднего корабля почти нависал нос заднего. Рулевые настороженно следили за перемещениями своих неуклюжих посудин.

По сигналу Квикки прислуга катапульт притянула рычаги к рамам, зафиксировала их жирно смазанными ключами и стала накручивать трос на вал.

– Готовы стрелять в обе стороны, да поможет нам Господь! – прокричал Квикка, глядя на своего командующего. – Я хотел сказать, с нами Тор. – Он схватился за амулет-молот.

Постепенно флот Пути выстроился в задуманный боевой порядок, в виде буквы «Т», направленной на врага. Сорок кораблей Бранда с убранными парусами и мачтами неторопливо двинулись вперед; Шеф слышал, как фыркают гребцы, всем своим весом налегая на весла. Позади центра этой флотилии в кильватерном строю шли под парусами десять английских военных кораблей.

Когда построение завершилось, у Шефа словно камень свалился с души. Он осознал, что во всех боях чувствовал одно и то же. Острая невыносимая тревога перед началом, когда думаешь о тысяче и одной мелочи, способной расстроить твои планы, – шкиперы не так поняли, матросы нерасторопны, враг нагрянет неожиданно, когда твое войско еще не готово. Затем облегчение, мгновенно сменяющееся отчаянным любопытством: получится ли?

Бранд орал с кормы своего корабля, энергично показывая на корабли Рагнарссонов. Те уже находились в какой-нибудь полумиле и быстро приближались, молотя веслами. Что он кричит? Шеф разобрал слова и мгновенно сосредоточился. Противник входит в бой, в точности как предусмотрено. Но у него стоят мачты, хотя паруса убраны.

– ... Чую запах крысы! – донесся обрывок фразы Бранда.

Может, запаха и нет, подумал Шеф, но крыса точно здесь. Теперь ей остается только укусить.

Он стянул с шеи длинный синий шарф – подарок Годивы, с болью вспомнилось ему, сделанный в тот день, когда она сказала, что выйдет за Альфреда. Распустил шарф по ветру, заметив, как повернулись головы, когда его увидели впередсмотрящие. Это несчастливый талисман, подумал Шеф. И разжал пальцы, позволив ветру унести шарф в мутное желтое море.

Сигурд Рагнарссон, стоя на носу своего корабля, заметил необычно скроенные паруса позади редкого строя судов Бранда. Не пропустил он и гигантскую фигуру самого Бранда, стоящего как раз напротив него и размахивающего топором в знак насмешливого приветствия.

Что-то затевают, снова подумал Сигурд. И есть только один способ узнать, что именно. С преувеличенной аккуратностью он снял свой длинный алый плащ и, повернувшись, бросил под ноги. В тот же миг стоящий у мачты викинг дернул за фал. С верхушки мачты вдруг плеснулось огромное полотно: знамя Ворона сыновей Рагнара, сотканное, согласно легенде, за одну ночь, с приносящим победу заклинанием в узор. Никто не видел этот стяг поднятым со времен смерти Ивара.

Когда его заметили на изготовившихся к бою кораблях, каждый гребец сделал пять мощных ударов веслом, затем все разом задрали весла вверх и с грохотом завели их торцы в специальные гнезда. Перекрывая шум, гребцы издали короткий клич и схватили оружие и щиты. Каждый из рулевых направил судно как можно ближе к соседу. Десятники размахивали абордажными крючьями, чтобы крепко связать все ладьи в одно целое. Таков был всегдашний обычай: корабли должны набрать инерцию хода, надвинуться на врага сплошной стеной, сцепиться носами с неприятельским флотом. А потом воины с копьями и мечами будут драться на полубаках, пока та или другая сторона не уступит, попытавшись – обычно безуспешно – вырваться.

Бранд увидел развевающееся знамя и гребцов, изготовившихся к последнему отчаянному рывку. Как только весла изогнулись в первом яростном гребке, он заревел, и этот рев мог бы перекрыть шторм в Атлантике:

– Весла вразнос и разворот!

Старательно отрететированным маневром линия кораблей Пути разорвалась посередине. Ладья Бранда и все, кто был мористой его, резко свернули влево, бешено загребая веслами правого борта и табаня веслами левого. Все находившиеся ближе к берегу поворачивали в другую сторону. Затем кормчие постарались уберечься от столкновения с соседями, а гребцы еще пуше заработали веслами, и быстрые маневренные суда разошлись.

Шеф, стоя у мачты «Норфолка», наблюдал, как корабли Бранда убегают влево и вправо, четким строем, как два косяка перелетных птиц. Шеф похолодел от страха – не за себя, а за свой план, – как только понял, что флотилия Рагнарссонов приближается быстрее, чем он ожидал. Если эти испытанные воины подойдут к его борту, конец может быть только один.

В этот самый момент он почувствовал, что «Норфолк» рванулся вперед, – Ордлаф полностью распустил парус. Военный корабль разворачивался влево, подставляя штирборт драконьим мордам, до которых не оставалось и сотни ярдов. И снова «Норфолк» прибавил в скорости ярд-другой, когда прямым встал по ветру.

Шеф услышал ободряющий крик Ордлафа:

– Ветер поднимается! Мы повернем вовремя!

Может быть, подумал Шеф. Но все равно они слишком близко. Пора их остановить. Он кивнул Квикке, вцепившемуся в железный ключ. Квикка промедлил лишь мгновение. Ему был известен план – потопить флагманский корабль – ладью с гигантской позолоченной головой змеи. Но мул еще не нацелен, и развернуть его невозможно. За долю секунды переждав накат волны, Квикка выдернул стержень.

Стремительный взмах, бешеный удар по переключине, который потряс весь корабль и, казалось, на мгновение остановил его. Над водой пронеслась черная молния – тридцатифунтовый каменный шар. Молния ударила точно по носу корабля, что шел слева от «Франи ормра».

Минуту или две наступающая армада двигалась как ни в чем не бывало, отчего сердце у Шефа подскочило к самому горлу. Затем вяло, не спеша, корабль развалился на куски. Прилетевший камень расколол форштевень в щепки. Аккуратно набранные доски повывлетали из своих пазов. Море ворвалось ниже ватерлинии, подгоняемое ходом корабля. Когда вода хлынула в пробоину, жилы, крепившие доски к шпангоутам и шпангоуты к килю, разорвались. Мачта, лишившись опоры, завалилась вперед, мгновение подержалась на снастях и рухнула набок. Гигантская дубина прошлась по выпучившей глаза команде соседнего корабля.

Для наблюдателей с английской стороны все выглядело так, словно корабль внезапно исчез, утянутый на дно одной из Брандовых морских ведьм. Какое-то время виднелись люди, будто стоящие на воде, затем качающиеся на разрозненных досках, а после тонущие или цепляющиеся за борт соседнего корабля.

И тогда «Суффолк» тоже привел в действие свой мул. Еще одна молния ударила в самое сердце флота Рагнарссонов. И еще одна, и уже третий корабль развалился на части.

Пока Шеф заворожено смотрел, в сражении словно прибавилось шума. Он сразу услышал посвист арбалетов, пение канатов, которые яростно наматывали на вал подручные Квикки, треск дерева под ударами камней и боевой клич, когда корабль Бранда развернулся, заходя во фланг Рагнарссонам. В тот же миг хлынул нежданный дождь, и очертания кораблей противника на какое-то время расплылись. Над морем начался ливень. А если он размочит канаты и в самый неподходящий момент выведет из строя машины?

Из мороси в опасной близости вынырнули три драконьих носа. Но не змеиная голова флагмана, отставшего от них на сотню ярдов; это какие-то другие отчаянные моряки отцепили

абордажные крюки и взялись за весла, когда поняли, что противник не собирается сближаться для честной сечи. Если они подберутся к борту...

Квикка поднял большой палец, и Шеф кивнул. Снова душераздирающий вой и стремительный полет камня, который на этот раз закончился, едва начавшись, у самого основания мачты среднего корабля. И снова корабля вдруг не стало – лишь разлетающиеся доски и барахтающиеся в воде люди.

Другие два корабля по-прежнему приближаются, они уже в каких-то нескольких ярдах, толпящиеся впереди люди размахивают абордажными крючьями, свирепые бородачи глядят поверх щитов – одновременно резко хакнув, гребцы последним ударом весел бросают корабли через разрыв.

Ураганный боевой клич врывается в уши Шефа, и в каком-то футе перед форштевнем «Норфолка» проносится темный силуэт, подобный киту. Один из кораблей Бранда на весельном ходу вклинился в бой. Его нос прошелся вдоль штирборта корабля Рагнарссонов на скорости сближения добрых двадцать миль в час, сшибая весла, проталкивая их в отверстия бортов и ломая гребцам спины. Когда два корабля разошлись, Шеф увидел, что викинги Пути обрушили на противника град сулиц. Оставшийся корабль Рагнарссонов при виде побоища отвернул в сторону от «Норфолка», уходя в открытое море.

Шеф схватил Ордлафа за плечо и показал на добрые полмили водной глади, наполненной обломками судов, тонущими людьми и отчаянно дерущимися друг с другом кораблями. Сквозь завесу дождя и поднятых усилившимся ветром брызг все еще виднелось знамя Ворона. Но теперь оно удалялось на восток. Ведомый искусной рукой, «Франи ормр» беспрепятственно прошел сквозь линию английских кораблей, развернулся и уже набрал полный ход. Двое англичан увидели, что его парус расстелился книзу от реи, наполнился ветром и понес корабль прочь от опасности.

- За ним! – сказал Шеф.
  - Он проходит два ярда, пока мы один.
  - Пока есть шанс, отрежем его от открытого моря. Загоним к берегу.
  - Но здесь же отмели, это Элбер-Гат, – запротестовал Ордлаф.
- Палец Шефа повелительно ткнул его в плечо.

Глава 4

Сигурд Рагнарссон задумчиво глядел с кормы флагманского корабля. Он не подобрал свой плащ, чтобы руки остались свободными. Сигурд упирался в днище «Франи ормра» длинным копьём с прочным древком и тяжелым треугольным наконечником. Братья стояли спиной к нему и тоже казались расслабившимися, хотя оружие не убирали. Во флоте Рагнарссонов дисциплина была свирепая. Но и люди были свирепыми, отборные викинги-ветераны. Им вовсе не нравилось уклоняться от схватки, и они представляли, какие поползут слухи. Воины удивлялись: неужели Змеиный Глаз дал слабину?

Нет смысла объяснять. Пускай поудивляются еще немного.

– Что скажешь о наших приятелях? – спросил Змеиный Глаз у Вестмара, показывая на «Норфолк», отставший на целую милю.

– Посудина неуклюжая, но под парусом идти может, – коротко отвечал Вестмар. – Ну разве вот еще что. Англичане не знают этих мест. Видишь, на рее у них впередсмотрящий, а шкипер с носа высматривает отмели?

– Отмелей здесь полно, – ответил Сигурд. Он повернулся и взглянул в сторону побережья. – Берег почти без примет.

Два малых островка Нойверк и Шархорн уже пройдены. Мутные воды Эльбы струятся под килем, а дальше – ничего до самой подошвы полуострова Ютландия, до земель, из-за которых Дания препирается с империей германцев.

– Отлично! Убирай парус. Сажай людей на весла. И пошли кого-нибудь на нос с лотом.

Вестмар разинул рот, чуть было не выразив несогласие. «С лотом, – подумал он. – Но я знаю Элбер-Гат, как задницу своей жены. А если мы спустим парус, эти сволочи смогут швырять в нас свои камни-йотуны, пока мы будем надрываться на веслах». Он проглотил слова протеста и, повернувшись кругом, принялся хрипло командовать.

– Мы их догоняем! – крикнул Шеф. – Квикка, вставай к мулу.

Ордлаф не отозвался. Он напряженно всмотрелся в небо, снова взглянул на корабль, который они преследовали, взял лот, который протянул меривший глубину матрос. Обнюхал грязь, прилипшую к воску на конце свинцового цилиндра с веревкой длиной пять саженей. Высунул язык, лизнул.

– Зачем ты это делаешь?

– Не знаю, – пробормотал Ордлаф. – Иногда, если есть ракушки, можно узнать, какой там песок, далеко ли отмель.

– Смотри! – гаркнул Шеф. – Они тоже не знают, где идут, у них человек на носу последние две мили промеряет глубины, в точности как и ты. Держись за ними, и если они не сядут на мель, то и мы не сядем.

«Не так все просто, мой молодой господин, – подумал Ордлаф, – не так все просто. Есть и другие вещи, например течение; видишь, норманн скользит по нему как змея, а в наш киль оно вцепилось мертвой хваткой. И ветер, и косые струи ливня. И прилив. Он еще не кончился? Будь мы дома, в Йоркшире, я бы нутром почуял, когда он дойдет до высшей точки. Но здесь, в чужом море, кто ж знает, когда начнется отлив. Должно быть, скоро».

– Еще четверть мили, и мы подойдем к ним на выстрел! – крикнул Шеф. – Гребите с носа и кормы! Только оставьте место вокруг мула.

Гребцы с трудом преодолевали короткую зыбь, однако «Норфолк» еще чуть-чуть прибавил ходу и начал заметно догонять похожий на дракона корабль, на котором убрали парус. Шеф всматривался в даль, оценивая расстояние и направление.

– Так, приступаем. Целься хорошенько, Квикка. Ордлаф, поверни еще вправо, то есть право руля, чтобы мы могли выстрелить.

Когда «Норфолк» взял право руля, его парус развернулся. Яростный вопль Квикки – нижний край паруса заслонил ему обзор. Суета моряков, торопливо подтягивающих снасти. Свирепые проклятия Ордлафа – гребцы сбиваются с ритма, и нос корабля уводит в долгий кренящийся разворот. Когда парус наконец перестал мешать, Шеф и Квикка с минуту напряженно вглядывались, недоумевая, куда подевалась их добыча.

– Вот он!

За время неразберихи «Франи ормр» вильнул, как путающий след заяц, взял лево руля и теперь, в точности кормой к ним, удалялся на бешеной скорости; весла мельтешили, словно в последние мгновения гонки.

– Теперь слишком далеко для выстрела! – прокричал Квикка в ухо Шефу, вне себя от возбуждения.

– Они долго так не выдержат. Ордлаф, идем за ними!

Ордлаф колебался, видя длинные барашки на мелководье по обе стороны от убегающего корабля викингов. Мелководье шириной полмили между двумя длинными песчаными косами. Да еще множество мелей и протоков, протянувшихся в сторону невзрачного немецкого берега.

Он успокоился, вспомнив, что шкипер на ладье промерил глубины. Это опасные воды, но викинги тоже не знают их. Все шансы за то, что на мель они сядут первыми. «Норфолк» развернулся, принял ветер с другого борта и, снова расправив парус, по следу врага устремился в узкую протоку.

Прошли, подумал Сигурд, ощутив легчайший шорох песка под килем. Мы прошли на самой верхней точке прилива. Он уловил искорку облегчения в глазах Вестмара, тут же торопливо опущенных. Один из гребцов шумно выдохнул и, набравшись дерзости, с задранной бровью посмотрел на кормчего. Последние несколько минут гребцы чувствовали песок под лопастями весел и, как истинные моряки, стали загребать совсем неглубоко. Теперь они поняли, что выходят на глубокую воду. Может быть, Змеиный Глаз еще не растерял свою удачу. Может быть...

Сигурд видел приближающийся сзади английский корабль с молотом и крестом на парусе. А за кораблем – шквал, пересекающий открытое плоское устье Эльбы, шквал, который налетит на англичан. Вот сейчас.

Когда с неожиданной апрельской яростью накинудся ветер с дождем, Ордлаф напряженно всматривался вперед. В уши ворвался крик моряка с лотом:

– Сейчас две сажени, шкипер, только две сажени, и я вижу отмель!

– Табань всеми веслами! – тут же заорал Ордлаф. – Убрать парус, подать назад!

Слишком поздно. Пока он кричал, у одного гребца, старательного, но неумелого, вывернулось весло, изогнулось и смело хозяина со скамьи, едва не отправив за борт. Зарывшись в песок, крепкое ясеневое весло мгновение сдерживало напор корабля, разворачивая его, а затем разлетелось в щепки. Судно накренилось и зарылось в грунт; тут и там с банок падали гребцы. Последний порыв ветра ударил в парус, взметнул корабль на гребень волны, а затем со страшным скрежетом выбросил его на песок.

Несколько секунд царила полная неразбериха, пока Ордлаф и его помощники, с дикими криками расталкивая окружающих, тянули снасти, хватались за весла, сначала пытаясь снять «Норфолк» с мели, а потом хотя бы поставить его на ровный киль. Постепенно сумятица улеглась, и сухопутные члены команды, включая короля, сгрудились посередине. На Шефа смотрела пара укоризненных глаз.

– Не надо было этого делать. Сели на мель в самый прилив. Смотри. – Ордлаф показал за борт, на две песчаные отмели, уже вышедшие из воды с обеих сторон корабля, так как на море начался долгий шестичасовой отлив.

– Это опасно? – спросил Шеф, вспоминая, как два года назад они оба были очевидцами крушения кнорров Рагнара, севших на грунт у мыса Фламборо.

– Ну, крушения ждать не стоит. Это мягкий песок, и мы ударились довольно слабо. Но ловко же нас провели! – Ордлаф с восхищением покачал головой. – Спорю, что их шкипер точно знал, где он идет, до последнего дюйма. Свесившись с лотом, он просто обманывал нас. Сейчас они уже далеко, возвращаются в открытое море.

Шеф резко оглянулся, внезапно сообразив, что может произойти, если Змеинный Глаз и его отборная команда подойдут вброд по мелководу. Но викингов не было видно. Шеф прошел на корму и тщательно осмотрел плоский серый горизонт, выискивая мачту или знамя Ворона, которое развевалось впереди каких-то десять минут назад. Ничего не видно. «Франи ормр», подобно змее, затаился в каком-нибудь устье или протоке, выжидая, когда прилив откроет проход к морю. Шеф глубоко вздохнул, напряжение спало, он повернулся к Ордлафу и своей молчаливой команде:

– Сможем сняться до темноты?

Ордлаф пожал плечами:

– Можно сняться с мели, перетягиваясь с помощью верпов. Пусть все займутся делом.

И вот грязь вокруг застрявшего корабля расчищена ценой долгих часов тяжелого труда, семи потов и кровавых мозолей. Придавала сил гордость: битва все-таки выиграна, даже если кому-то из врагов удалось улизнуть.

Ушедшая вода – а отлив достигал здесь пятнадцати футов – открыла всем, что произошло с «Норфолком». Теперь он лежал в полумиле от основного русла Эльбы, в мелком озерце между двумя длинными банками, полном проток и канав вперемежку с округлыми островками и обломками давних кораблекрушений.

Сперва Ордлаф отправил команду за борт, велел копать вокруг корпуса и под килем, чтобы вытащить корабль назад по тому же пути, которым он пришел. Но по мере отлива путь к глубокой воде стал виден лучше, и они отказались от первоначальной затеи. Всего в шестидесяти или семидесяти футах впереди протока глубиной не меньше десяти футов даже при полном отливе. Очевидно, шкипер Рагнарссонов шел к ней, прекрасно зная о ее местонахождении, а потом, пока внимание врагов было отвлечено, свернул влево или вправо. К берегу, в сторону Гамбурга и основного русла, или к морю каким-то неизвестным маршрутом – теперь это значения не имело. Команде «Норфолка» необходимо было протащить судно несколько футов через едва различимый гребень отмели, а затем вниз, к глубокой воде. Они уже вырыли яму под передней частью корпуса, так что нос корабля чуть-чуть наклонился вниз. Но чтобы сняться с мели до ночного прилива, требовалась лебедка.

Ордлаф уже приспособил первый канат, привязав его конец к корабельному якорю, укрепленному в тяжелом песке, а другой обмотав вокруг основания мачты, и приказал тридцати гребцам тянуть одновременно. Корпус раскачивался и стонал, но оставался неподвижен.

– Нужен еще один трос, – заявил Ордлаф, – чтобы тянуть прямо по ходу и чтобы остальным парням было за что взяться. И хорошо бы закрепить его вон там. – Он показал на песчаную отмель по другую сторону протоки шириной ярдов тридцать.

– У нас найдется такой длинный канат? – спросил Шеф.

– Да. И мы сделаем второй якорь из алебард. Надо только доставить его туда.

Шеф угадал невысказанную просьбу. «Норфолк», огромный по сравнению с другими кораблями своего времени, был, однако, слишком мал, чтобы разместить на нем даже ялик. Слишком много необходимого он нес – и команду, и провиант. Поэтому имелся только челнок из шкур на жердевом каркасе, скорее корыто, чем лодка. Управлять им было трудно, зато

опрокидывался он легко. Ордлаф, да и кто угодно из норфолкских рыбаков, мог бы с ним управиться, но все они сейчас были заняты. А любой сухопутный член команды, из гребцов или прислуги мула, обязательно бы перевернулся и утонул.

Шеф вздохнул. Час назад он выдал последние дрова из скудного, ежедневно пополняемого корабельного запаса и велел Квикке развести на песке костер, поставить большой железный котел и приготовить что-нибудь из сурового морского провианта: муки, соленой рыбы и ячменя. Для голодного человека поднимающийся от котла запах был мучителен. Шеф взглянул на солнце, уже опускающееся в море, представил, как придется всю ночь маяться в прибывшей воде, и уступил.

– Ладно. Я вроде был жителем болот, до того как стал ярлом и королем.

– С челноком справишься?

– Увидишь сам. Если бы не надо было тащить якорь, я бы переплыл эту протоку за дюжину гребков.

Помощник Ордлафа аккуратно погрузил якорь в челнок, чтобы острые концы не поролои его днище, убедился, что канат пойдет свободно. Шеф напоследок взглянул на котел и, прикинув расстояние и шансы перевернуться, снял золотое кольцо – знак своего положения. Он протянул кольцо Хвительму, непробиваемо тупому юноше из знатной семьи, которого королю навязали в оруженосцы. Парень уже держал меч и ножны Шефа.

– Прибереги до моего возвращения.

Хвительм наморщил лоб, но вскоре уловил смысл неожиданного жеста.

– А твои браслеты, господин?

Шеф на мгновение заколебался, затем медленно стянул с бицепсов золотые браслеты и отдал Хвительму. Свалиться они не могут, но, если челнок опрокинется, лишняя тяжесть не пойдет на пользу.

Шеф подошел к краю протоки, уселся в челнок, взял короткое весло и отчалил. Трудно грести одним веслом, тем более что из-за дополнительного груза борта возвышались над водой на каких-то три дюйма. Фокус в том, чтобы шустро переносить весло вправо-влево, выпрямляя челнок при каждом гребке. Шеф постепенно продвигался вперед, мучимый разлившимся в воздухе ароматом пищи; вышел на отмель, закопал якорь, как наказал Ордлаф. Затем, подгоняемый стуком посуды, пустился в обратный путь.

Через протоку теперь тянулся канат. Куда легче, чем грести, сидеть и перебирать по нему руками, спиной вперед подтягиваясь к кораблю.

Шеф не сразу понял, что крики его людей изменили тональность, сделавшись настойчивыми и отчаянными. Чтобы выяснить, что случилось, он сначала повернулся влево, как всегда делал из-за отсутствия правого глаза. Ордлаф с выражением ужаса на лице жестикулировал и показывал направо.

Шеф резко обернулся, едва не опрокинув челнок. Несколько мгновений он видел почти прямо над собой лишь черный силуэт и белую пену. Затем сообразил, что это.

«Франи ормр» на полном весельном ходу надвигался на него, отбрасывая буруны до самых краев узкой протоки. Со снятой мачтой, без змеиной головы и драконьего хвоста, низкая ладья пряталась где-то среди безликих берегов, выжидая своего часа. А дождавшись, устремился в атаку, чтобы протаранить беззащитного врага.

В то же мгновение, как опознал корабль, Шеф увидел и воина в алом плаще; с огромным копьем в руках тот склонился на носу. Его лицо было перекошено ненавистью. Шефу стало ясно – такой ни за что не промахнется. Рука отошла назад, копьё нацелилось.

Не раздумывая ни секунды, Шеф опрокинулся через борт и ушел под воду. Он изо всех сил работал руками и ногами, проталкиваясь в глубину. Подводные течения потащили его дальше, песок царапнул грудь; он почувствовал, что зажат между килем и морским дном, и тут же стал яростно пробиваться наверх и в сторону. Глубоко зарывшееся весло вскользь уда-

рило по затылку, и Шеф снова устремился вниз. Легкие уже не выдерживали, необходимо было вынырнуть и вдохнуть, но поверхности все не было. Бешеными рывками он продвигался наверх...

Шеф глотнул воздуха в нескольких ярдах за кормой «Франи ормра», торопливо огляделся и устремился к ближайшему берегу. Он снова очутился на песчаной отмели, где поставил якорь. На противоположном берегу опрокинули котел, собравшимся вокруг «Норфолка» воинам кидали мечи и алебарды, над бортом показалась шеренга шлемов – это дюжина арбалетчиков изготовилась к стрельбе. Ордлаф выкрикивал команды, готовясь к стычке на песке. Никакой возможности использовать мул: «Норфолк» стоял носом к протоке, к тому же наполовину завалившись на борт.

«Франи ормр» развернулся в узкой протоке, подгребая левыми веслами, а правыми табаня. И направился не к «Норфолку», а к Шефу, отрезанному на дальнем берегу глубокой протоки. Шеф прикинул, не броситься ли ему в воду, чтобы в дюжину гребков вернуться к товарищам, но отбросил эту мысль, представив, как гарпун вонзается ему в спину. Слишком поздно. «Франи ормр» без своей драконьей головы неотвратно надвигался на него, горстка людей у борта внимательно следила за ним.

Шеф попятился по песчаной отмели, ушел за предел полета сулицы, размышляя, что же теперь делать. Он один и без оружия. Возглас – и весла прекратили грести, но остались в ключинах. С борта прыгнул человек в морских сапогах из козьей шкуры, сбежал по веслу на песчаный берег. Шеф настороженно разглядывал его с расстояния в дюжину ярдов. Молодой, но высокий и сильный, с золотым браслетом над локтем.

Раздался свист, и еще раз. С «Норфолка» пытаются помочь, бьют из арбалетов. Но от застрявшего корабля далеко до протоки и еще дальше до ее противоположного берега, к тому же на пути стрел – корпус «Франи ормра».

Шеф отступал, а парень вытаскивал из ножен меч. Еще трое спустились по веслам и направились к королю. И тот, на миг оторвав взгляд от ближайшего врага, узнал всех троих: Хальвдан Рагнарссон, который был среди судей на том поединке в Йорке, седой Убби Рагнарссон, а в центре – Сигурд, тот, что в Бедриксворде потребовал лишить Шефа глаза. Как напоминание, из пустой глазницы Шефа потекла соленая вода.

Рагнарссоны несли топоры, мечи и копья. Все трое были в кольчугах. В отличие от ближайшего к Шефу воина.

Шеф повернулся и побежал вдоль песчаной косы. Так он удалялся от «Норфолка», но выбора не было. Если будет стоять на месте, его убьют, а если побежит поперек косы, вскоре снова будет барахтаться в воде.

Ошибка, сообразил Шеф секундой позже. Он побежал в том же направлении, куда был обращен нос «Франи ормра», и корабль шел тихим ходом справа, закрывая преследователей от арбалетчиков «Норфолка». А у викингов на «Франи ормре» были наготове стрелы и сулицы. Шеф повернул налево, слыша топот за спиной. Коса оборвалась. Он бросился в воду плоским нырком: три-четыре мощных взмаха руками – и почувствовал песчаное дно, а вскоре был опять на ногах.

Десяток прыжков, и он рискнул оглянуться. Паренек на берегу было замялся, но тут же с шумом кинулся в воду, всего-то по пояс глубиной. Рагнарссоны отстали – немолодые и в тяжелых кольчугах, – однако разошлись вдоль берега канавы шириной в несколько ярдов и перекрыли все пути назад. Прямо перед Шефом и по обе стороны простиралась пересеченная местность: округлые возвышенности, лужи и мелкие канавы, примыкающие к основной протоке. То и дело встречались канавы поглубже. В такой можно и попасться – Сигурд метнет копье, или этот парень схватит за пятку. Но если набрать хорошую дистанцию, Шеф успеет переплыть и убежать. Люди в кольчугах не рискнут лезть в глубокую воду, а если полезут, потеряют его из виду.

Когда молодой викинг достиг берега, Шеф повернулся и снова побежал. Чуть медленней, чем мог бы, виляя и оглядываясь на каждом десятке ярдов, якобы в страхе. Пятьдесят ярдов – и с шумом и плеском пересечена неглубокая лужа. Еще пятьдесят – и обойден холмик.

Теперь «Франи ормр» находится в целом фарлонге от Шефа и никак не мог оказать помощь Рагнарссонам. Рассыпавшись цепью, те переключались, старались не упустить врага из виду. Все лучше слышится дыхание высокого парня, который сокращает разрыв, через каждые несколько шагов занося меч, как будто надеется ударить.

Из викингов бегуны никудашные, вспомнил Шеф. Он проскочил через очередной ручеек, где воды было по колено, выбрался на твердую почву и обернулся.

Молодой викинг остановился перед водой, торжествуя оскалился и бросился вперед, занося меч для удара справа налево. Шеф поднырнул под клинок, обеими руками ухватил правое запястье и подсек противника под щиколотки. Оба рухнули на песок, а меч отлетел в сторону.

Подобрать его Шеф не успел бы, а бороться слишком рискованно. Все, что требуется от викинга, – удерживать противника, пока не подспеют Рагнарссоны.

Шеф отступил назад, принял борцовскую стойку. Викинг смотрел на него, тяжело дыша и скалясь.

– Меня зовут Храни, – сказал он. – Я лучший борец в Эбельтофте.

Он закрылся, готовясь к захватам за шею и локоть. Шеф нырнул и схватился за нож, висящий у Храни на поясе. Когда юноша потянулся к ножу рукой, Шеф распрямился и ребром левой кисти ударил в подбородок. Потеряв равновесие, высокий норманн завалился назад, на подставленное под его поясницу колено Шефа. В тот же миг Шеф обеими руками, со всей силой кузнеца рванул вниз.

Позвоночник хрустнул, и Храни с ужасом посмотрел вверх. Держа противника на колене, Шеф мягко похлопал по его щеке:

– Ты все равно лучший борец в Эбельтофте. Это был нечестный прием.

Он вытянул нож и глубоко загнал под ребра. Потом сбросил тело и подобрал меч с простой костяной рукоятью.

Всего в нескольких ярдах – глубокая протока. Шеф подскочил к ней, бросил меч футов за тридцать, на другую сторону, нырнул и быстро переплыл протоку. На берегу обернулся к Рагнарссонам, которые, задыхаясь, подбежали к воде. Шеф наклонил голову, чтобы вылить влагу из пустой глазницы, а когда распрямился, встретил взгляд Змеиного Глаза.

– Идите сюда! – крикнул Шеф. – Вас трое, и все великие воины. Как и ваш брат Ивар. Его я тоже убил в воде.

Хальвдан вступил в воду с обнаженным мечом. Убби схватил брата за руку:

– Он зарежет тебя до того, как ты выберешься на сушу.

Шеф ухмыльнулся, надеясь спровоцировать нападение. Если один пойдет вброд, можно будет расправиться с противником, чьи движения скованы водой. Если атакуют двое или трое, Шеф снова побежит – уж эти-то не догонят. Теперь инициатива у него. Враги-то не знают, что он решил дать деру. Если все пойдут разом, мало шансов с ними справиться, но по крайней мере один удар Шеф нанести успеет. Возможно, при виде своего мертвого бойца они подумали, что Шеф вошел в боевой раж и готов принять вызов.

Внезапно ему в живот полетело копьё – лицо метнувшего Сигурда при этом не дрогнуло. Шеф подпрыгнул, широко раскинув ноги. Древко чувствительно задело пах. Шеф упал на корточки, кусая губы, чтобы не выдать боль.

– Твой брат Ивар, по крайней мере, дрался честно, стоя на той же доске, что и я! – прокричал он. – Вам кто-нибудь рассказал, как он умер?

«Его яйца лопнули от моей хватки, – подумал он, – а лицо превратилось в лохмотья, когда я боднул его шлемом. Надеюсь, об этом они не слышали. Ивар, может, и бился честно, но обо мне этого уж точно нельзя сказать».

Змеиный Глаз развернулся, даже не обнажив меча. Он что-то буркнул братьям, и те тоже направились назад, к телу Храни. Шеф увидел, что Сигурд наклонился и снял с руки Храни золотой браслет. Затем все трое направились к своему кораблю. Они не приняли вызова.

«Сигурд умен, – подумал Шеф. – В битве на море он развернулся и вышел из боя, а не бросился вперед, как я рассчитывал. Сейчас он сделал то же самое. Я должен помнить: это не значит, что он уступил».

Шеф оглянулся, оценивая ситуацию.

Он был отрезан от «Норфолка». Сигурд может напасть на судно, а может и не напасть, «Норфолк» выиграет сражение или проиграет. В любом случае попытка вернуться на «Норфолк» чересчур рискованна. Невозможно угадать, какую ловушку хитроумный Сигурд приготовил среди песчаных отмелей. Нужно идти в другую сторону, к неизвестному берегу, до которого еще с четверть мили тех же отмелей.

У Шефа была одежда, кремень с кресалом на поясе и дрянной ковки железный меч с костяной рукоятью. Желудок напоминал, что последний раз Шеф ел в полдень. Шерстяные штаны и рубаха были мокры, и от холода била дрожь. От соленой воды саднило пустую глазницу, и непонятно отчего другой глаз все время слезился. Солнце возвышалось над плоским горизонтом на ширину ладони. Остаться на месте было нельзя. Начинался прилив. Скоро придется плыть, а не идти.

Сейчас Шеф меньше, чем когда-либо, ощущал себя королем. Но ведь, если честно, он никогда и не считал себя настоящим монархом. По крайней мере, у него давно нет ни хозяина, ни отчима, которые его лупили.

Повернувшись к немецкому берегу, Шеф решил подобрать зацепившую его сулицу Сигурда. Как и следовало ожидать, отличное оружие, с наконечником футовой длины и трехугольным острием. Наконечник из превосходной стали, без единой зазубрины. Ни серебряных инкрустаций, ни других украшений. Змеиный Глаз, человек практичный, не тратил лишних денег на то, чем собирался поражать врагов. И все же на стали что-то виднелось. Рунические письмена. Обученный в свое время Торвином, Шеф сумел прочитать их. «Гунгнир», – гласила надпись. Так называлось копье Одина.

Змеиный Глаз не видел святотатства в том, чтобы подражать верховному богу. Это копье не древнее и даже не старинное. Кузнечный опыт подсказывал Шефу, что наконечник выкован недавно. В задумчивости Шеф положил его на плечо, заткнул за пояс меч Храни и устало побрел по северной отмели Эльбы, по коварным пескам, все еще различимым в сумерках.

Далеко к северу от устья Эльбы, северней даже, чем цитадель Рагнарссонов на датском острове Съелланд, находилась великая школа Пути. Святилище все еще лежало под глубоким снегом на норвежском берегу в далеком Каупанге. Толстый лед перекрыл фьорд от берега до берега. По этому льду, как по мосту, бежали лыжники, спеша оказаться под домашним кровом.

Но вот один из лыжников застыл посреди снегов: Виглейк Провидец, самый уважаемый жрец Пути. С неба слетались птицы, кольцом усаживаясь вокруг человека. Стая росла, и прохожие указывали на нее, звали других посмотреть. Постепенно люди – жрецы, их ученики и слуги – образовали второе кольцо, держась на почтительном расстоянии от Виглейка, ярдах в пятидесяти.

Яркогрудая малиновка, покинув строй, села Виглейку на плечо и громко защебетала. Жрец долго стоял, склонив голову набок, и слушал. Наконец благодарно кивнул, и птичка улетела. Ее сменила другая, севшая на руку, в которой Виглейк держал лыжные палки. На сей

раз это был крошечный крапивник с задранной, как шпора всадника, хвостом. Он тоже пропел длинную песенку и замолк в ожидании.

– Спасибо, братец, – услышали люди слова Виглейка.

Затем все птицы стремительно вспорхнули и перелетели под кроны деревьев. Появилась большая черная ворона, которая не уселась на Виглейка, но расхаживала перед ним взад-вперед, время от времени хрипло каркая. Это выглядело насмешкой, однако Виглейк продолжал стоять безмолвно. Птица задрала хвост, уронила на землю струю помета и улетела.

Через какое-то время Виглейк устремил взгляд вдаль. Когда он опустил глаза, его лицо обрело нормальное выражение. Сообразив, что видение закончилось, его собратья рискнули приблизиться. Впереди шел Вальгрим, признанный глава святилища и жрец Одина Отца – не многим по плечу была такая ответственность.

– Какие новости, брат? – наконец спросил он.

– Новости о смерти тиранов. И новости похуже. Сестрица-малиновка сказала мне, что папа Николай умер в Рим-граде, собственные слуги удавили его подушкой. Он расплатился не за то, что посылал воинов против нас, а за то, что потерпел поражение.

Вальгрим кивнул, довольная улыбка шевельнула его бороду.

– А брат-крапивник сказал, что в земле франков убит король Карл Лысый. Один из его графов припомнил, как предшественники его величества брили голову длинноволосым королем, показывая, что они больше не короли, и добавил: Бог наградил Карла лысиной, намекая, что он не должен был стать монархом. Когда Карл велел схватить наглеца, другие графы восстали и убили его самого.

Вальгрим снова улыбнулся.

– А ворона? – спросил он.

– Ее новость похуже. Ворона сказала, что один тиран все еще жив, хотя сегодня едва не погиб. Это Сигурд Рагнарссон.

– Может, он и тиран, – возразил Вальгрим, – но при этом он любимец Одина. Если бы Путь заполучил его на свою сторону, он бы приобрел великого воина.

– Допускаю, что ты прав, – проворчал Виглейк, – но его подружка-ворона считает нас его врагами, убийцами его брата. Она грозила мне, грозила всем нам мстостью Сигурда. Однако я знаю, что ворона не сказала всей правды.

– Что же она утаила?

Виглейк медленно покачал головой:

– Это скрыто от меня. И я не думаю, Вальгрим, что победу в Судный день нам принесут такие, как Сигурд Рагнарссон, с их жестокостью и жертвоприношениями. Нужен не только великий ратоборец, чтобы победить Локи и отродье Фенрира. И не кровь возвратит Бальдра к жизни. Не кровь, а слезы.

Несмотря на весеннюю прохладу, лицо Вальгрима вспыхнуло – была задета честь, к тому же упомянуты недобрые имена и дела. Но он сдержал гнев и лишь спросил:

– А в конце, когда ты вглядывался в даль?

– Там кружили два орла. Первый вился над вторым, но потом второй набрал высоту. Я не видел, кто в конце концов победил.

Глава 5

Дьякон Эркенберт сидел в поле, на самом солнцепеке, у высокого стола, разложив перед собой перья и пергаменты. Близился к завершению тяжкий труд, занявший почти весь день. Тяжкий, но благодарный. Эркенберт наслаждался чувством собственной значимости. Он с почтением, едва ли не с благоговением перебирал листы из толстой стопки, исписанные именами. За каждым именем – просьба о принятии в новый орден, основанный архиепископом Запада: орден Копья, или, на здешнем языке, Lanzenorden.

За время долгого путешествия на север, из Кёльна в Гамбург, Эркенберт понял, что существуют особые обстоятельства, благоприятствующие созданию ордена монахов-воинов именно здесь, в Германии. В его родной Нортумбрии, как и во всей пронизанной родственными связями Англии, таны, которые составляли костяк любой армии, годились только для одного – удобно устроиться на землях, пожалованных им королем. А затем горы своротить, лишь бы не только удержать эти земли за собой, как бы ни стали таны стары, толсты и непригодны к воинской службе, но и удостоверить, что поместья честь честью перейдут к их детям. Иногда они посылали сыновей служить вместо себя, иногда стремились попасть в фавор к королю или духовенству, поддерживая законы и любую хартию, которой требовалось присягнуть тем или иным образом. И хотя они делали все это и даже посылали своих дочерей для похотливых усад к некоторым магнатам, в Англии вряд ли можно было найти клочок земли, на который не претендовал бы сын какого-нибудь аристократа или сына аристократа и в конце концов не оказывался бы обманут в своих ожиданиях.

Не так в Германии. Сословию воинов здесь не разрешалось оседать на земле и устраиваться с удобствами. Им полагалось нести службу. В противном случае замену находили немедленно. Воину средних лет следовало самому позаботиться о том времени, когда ослабеет держащая меч рука, – ведь князь не считал себя ничем обязанным перед своими людьми. Что касается сыновей воинов, многие из них не имели никаких надежд на будущее. И не зря, холодно подумал Эркенберт, при всех своих заботах о чистоте крови они больше подобны смердам или керлам, чем благородным, ведь у них можно отобрать собственность в любой момент. Такие люди, благодаря их воинственности, толпами будут рваться в орден, который даст им, словно черным монахам, кров и товарищескую поддержку до самой смерти.

И все же Эркенберт и его товарищи не имели бы такого успеха при наборе рекрутов, если бы не красноречие архиепископа Римберта. Десятки раз на пути из Кёльна в Гамбург дьякон слышал, как тот скликает толпы в каждом городе, где они останавливались, и внимал его проповедям.

Архиепископ всегда цитировал евангелиста Матфея: «Я посылаю вас, как овец среди волков».

Он напоминал слушателям, что Христос запретил апостолу Петру сопротивляться воинам, которые пришли за Ним в Гефсиманский сад, и требовал от своих учеников подставлять другую щеку, и если кто-то принудит их пройти с ним одно поприще, то пройти два.

Он развивал эту тему, пока на лицах воинственных слушателей не появлялись признаки сомнения и неодобрения.

И тогда архиепископ заявлял, что сказанное Христом – истина несомненная. Но что будет, если человек заставит тебя нести его ношу одну милю и ты добровольно пронесешь ее две мили, а потом он вместо благодарности обругает тебя и прикажет нести еще две мили, еще десять, еще двадцать? Что, если ты подставишь другую щеку, а враг ударит по ней снова, и снова, и снова – своим хлыстом, как пса? Толпа начинала гневно колыхаться и роптать, а Римберт кротко спрашивал слушателей о причине их гнева. Разве то, о чем он рассказывает, не в сотни раз меньше унижений и обид, которые они терпят от северных язычников? И тогда

Римберт говорил о том, чему был свидетелем за долгие годы своего апостольского служения на Севере: изнасилованные дочери и жены, мужчины, угнанные в рабство до самой смерти, христиане на коленях в снегу, оплакивающие свою судьбу – стать жертвами на алтарях языческих богов в Оденсе, или Каупанге, или, хуже всего, в шведской Уппсале. Когда мог, Римберт называл по имени мужчин и женщин именно из этого города или из этих мест – запас душераздирающих историй он имел неисчерпаемый, и кто бы его не имел, подумал Эркенберт, после тридцати лет несения безнадежной и бессмысленной миссии обращения язычников.

И когда гнев толпы достигал высшей точки, когда служивые в ней свирепели, потрясали кулаками и кидали оземь свои кожаные шапки, Римберт изрекал то самое: «Я посылаю вас, как овец среди волков». «Да, – говорил он, – шедшие со мной добрые священники, из которых и десятой части не вернулось домой, были агнцами – и агнцами они останутся. Но с этих пор, – тут в его голосе звенела сталь, – посылая овец своих, я прослежу, чтобы рядом с каждой овцой шли... нет, не другие овцы и даже не волки. Огромный пес, гигантский мастиф немецкой породы, в крепком шипастом ошейнике, и следом еще двадцать таких же. Вот тогда посмотрим, как северные волки отнесутся к проповеди агнца! Может быть, тогда они услышат его блянье».

И Римберт шутил и играл словами, иногда даже подражал бараньему голосу, смешил слушателей, позволяя им освободиться от напряжения и ярости. А потом спокойно и неторопливо излагал свой замысел. Посылать миссию за миссией на Север, к самым дружественно настроенным языческим королям и князьям. Во главе каждой миссии – образованный и благочестивый священник, как это и было всегда, но вот новое: духовное лицо сопровождает сильный отряд телохранителей, людей благородного происхождения и рыцарского звания, без жен и детей или прочих привязанностей, воинов, хорошо владеющих мечом, копьем и булавой, умеющих править боевым конем одними шенкелями, держа в руках щит и пику, – бойцов, с которыми даже северные пираты предпочитают не связываться.

А потом, завоевав полное внимание слушателей, Римберт рассказывал о Святом Копье: когда оно вернется в империю, вместе с ним прибудет и дух Карла Великого и снова поведет христиан к победе над врагами. А сейчас помощники архиепископа готовы выслушать всех желающих вступить в орден Копья и отобрать достойных.

Поэтому Эркенберт и держал в руках толстую стопку листов пергамента, исписанных столбцами: имена кандидатов, свидетельства их благородного происхождения, – ведь простолюдина или сына простолюдина нельзя принимать ни при каких обстоятельствах; перечни богатств, которые эти люди готовы пожертвовать ордену, и описания их личного оружия и амуниции. В свое время некоторых вычеркнул из списков, других примут. Большинство вычеркнул. И многих – не из-за бедности или сомнительного происхождения, а из-за испытания, которое устраивает для них ваффенмайстер архиепископа, его военный советник. Как только Эркенберт записывает данные, кандидаты расходятся по обширному полю у деревянного частокола неоднократно разграбленного Гамбурга. Здесь они дерутся на тупых мечах и со щитами. На коне преодолевают сложную полосу препятствий, с чучелами, которых нужно поразить копьем. Сходятся в рукопашной схватке на ринге. И повсюду бродит седой ваффенмайстер или его старшины – наблюдает, сравнивает, запоминает имена.

Эркенберт бросил взгляд на Арно, советника архиепископа Гюнтера, посланного во владения Римберта с задачей наблюдать, оценивать и докладывать. Они улыбнулись друг другу. Один невысокий и темноволосый, другой долговязый и белокурый, оба любили поворочать мозгами и ревностно относились к делу.

– Архиепископ легко сможет набрать первую сотню, – сообщил Эркенберт.

Прежде чем Арно ответил, раздался другой голос:

– Теперь надо набрать только девяносто девять.

Дьякон и советник из-за своих столов устали на новоприбывшего.

Рост невелик, отметил Эркенберт, чувствительный к этой подробности. Но у незнакомца были чрезвычайно широкие плечи, размах которых подчеркивала его тонкая, прямо девичья талия. Он был одет в кожаную куртку с подбивкой, какие всадники носят под кольчугами. Эркенберт заметил, что в верхнюю часть жакета для уширения вшиты вставки, аккуратно, но без попытки подобрать цвет. Кроме жакета, на вошедшем была, кажется, только фланелевая рубашка из самых дешевых и поношенные шерстяные штаны.

Глаза у незнакомца пронзительно-голубые, волосы такие же светлые, как у Арно, но стоят ежиком. «Я видел лица опасные и видел лица безумные, – подумал Эркенберт, вспоминая Ивара Бескостного. – Но более сурового лица не встречал». Оно казалось высеченным из камня, кожа обтягивала выпирающие кости. Шея с бугром сзади, как у бульдога, голова даже выглядит маленькой.

Эркенберт обрел голос:

– Ты это о чем?

– Ну смотри, архиепископу нужно сто человек, я один, а сто без одного будет – слышал про науку арифметику? – девяносто девять.

От такой дерзости Эркенберт вспыхнул:

– Я знаю арифметику. Но ты еще не принят. Сначала нам нужно узнать твое имя и имена твоих родителей и еще много других вещей. И ты должен показать, что умеешь, нашему ваффенмайстеру. В любом случае сегодня ты уже опоздал.

Он почувствовал руку у себя на плече. Арно заговорил мягко и вкрадливо:

– Ты совершенно прав, брат, но, думаю, в данном случае мы можем сделать исключение. Сей юный herga известен мне, да и всем здесь. Это Бруно, сын Регинвальда, графа Мархеса. Его знатность, безусловно, позволяет претендовать на честь вступления в наш орден.

Эркенберт раздраженно взялся за пергамент:

– Превосходно! Если все делать как полагается, мы должны теперь спросить об имуществе и доходах, которые кандидат намерен передать ордену. – Он начал писать. – Бруно, сын графа, должен быть, естественно, Бруно фон?..

– Бруно фон ниоткуда, – последовал спокойный ответ.

Эркенберт почувствовал, что его запястье схвачено огромной ручищей – стальная окова под мягкой кожей.

– Я у графа третий сын, земель не унаследовал. У меня нет ничего, кроме рук, оружия и коня. Но позволь спросить кое о чем тебя, малыш с бумагами. Ты бойко говоришь на немецком, но ручаюсь, ты не из наших. И я ничего не слышал о твоём знатном роде. Я удивлен: кто же этот человек, имеющий право решать, кому быть, а кому не быть риттером святого ордена? Никаких обид, надеюсь.

Арно поспешил вмешаться:

– Бруно, этот ученый дьякон – англичанин. Он сражался в армии папы, которая была разбита, и пришел рассказать нам об этом. А еще он видел смерть знаменитых викингов, Ивара Бескостного и Рагнара Мохнатые Штаны. Мы узнали от него много полезного, и он всецело предан нашему делу.

Отпустив Эркенберта, юноша отступил, и на его чеканном лице появился интерес.

– Ладно-ладно. Я готов принять англичанина как собрата. И этот малыш-англичанин – без обид, приятель, у каждого из нас есть свои сильные стороны – сказал одну очень правильную вещь. Я действительно должен показаться ваффенмайстеру. – Он обернулся и крикнул: – Данкварт! Где ты, старый мерзавец? Какие там у тебя испытания? Хотя ладно, не надо. Я сам все вижу.

Пока Бруно разговаривал с Эркенбертом, активность на плацу замерла. Ваффенмайстер, старшины и не выбывшие до сих пор кандидаты прекратили упражняться и подошли посмотреть на новичка. Они освободили проход для Бруно, когда тот ринулся от стола.

В четыре прыжка Бруно подскочил к огромному черному жеребцу, который вольно пасся неподалеку. В седло он взлетел, не касаясь стремян, подхватил воткнутое в землю копьё и устремился к полосе с препятствиями и мишенями. Когда конь перепрыгивал через первый плетень, Эркенберт увидел, что Бруно держит левую руку за спиной – показывает, что не воспользуется щитом. Поводья были брошены, седок вел жеребца только коленями и пятками. Удар копьём с верхнего замаха, мгновенный разворот и скачок. Сквозь подымающуюся над полем пыль Эркенберт мог различить только с треском разлетающиеся мишени и черного кентавра, берущего барьер за барьером. Более искушенные наблюдатели криками приветствовали каждый удар. Через какие-то мгновения конь вернулся, всадник соскочил на землю, тяжело дыша и широко улыбаясь.

– Я выдержал это испытание, Данкварт? Тогда скажи тому человечку с бумагами, ведь это все не в счет, пока он не отметит. Но послушай-ка, Данкварт, сейчас я могу показаться настоящему знатоку, который видел кровавые сражения и поединки великих воинов. Я хочу узнать его мнение. Кто сегодня был лучшим с мечом и щитом?

Седой ваффенмайстер равнодушно ткнул в сторону кандидата, который под конец бился уже с его старшинами. Высокий юноша в белой одежде поверх кольчуги.

– Вот этот, Бруно. Он очень хорош.

Бруно подошел к предполагаемому противнику, обеими руками обхватил его кисть и взгляделся в лицо с пытливой нежностью, как дама в лицо любовника.

– Ты согласен? – спросил он.

Высокий рыцарь кивнул. Старшины подали каждому тяжелый щит, какие носят всадники, и длинный меч с затупленным лезвием и аккуратно сточенным острием. Два рыцаря разошлись на шаг и принялись настороженно кружить, каждый уходил от меча противника вправо.

Эркенберт, мало понимавший в воинских испытаниях, успел заметить только сверкание стали и услышать троекратный лязг: это ударил высокий юноша – вниз, вверх, слева, – молниеносно орудуя тяжелым мечом. Три жесткие атаки. Бруно парировал не щитом, а мечом, крутя запястьем, чтобы клинки встречались под правильным углом. Под четвертый удар он поднырнул и, вздернув щит, верхним его краем подцепил опускающийся меч у самой рукояти. Теряя равновесие, высокий юноша шагнул назад, и меч Бруно взвился. Мгновение казалось, что Бруно атакует сразу тремя мечами; высокий отчаянно отбивал удары со всех сторон. И вот его щит опущен, меч поднят, а сам он присел, чтобы отразить выпад, но того не последовало. Казалось, Бруно даже замер на миг, прикидывая, как лучше ударить.

Его стремительный выпад был незаметен для глаза. Глухой стук, судорожный вздох, и высокий юноша валится навзничь. Через секунду Эркенберт сообразил, что Бруно не вложил в удар всю силу, намеренно расслабил запястье в последний момент.

Бруно отбросил оружие и помог противнику подняться все с той же пытливой нежностью. Похлопал по щекам, заглянул в глаза, помахал ладонью – помутнели ли глаза? Вот на его лице отразилось облегчение, он отступил назад с улыбкой:

– Отличный бой, юноша. Рад, что мы будем братьями в ордене. Я потом объясню тебе этот трюк с ложным выпадом, ему научиться нетрудно.

Бруно огляделся, услышав аплодисменты зрителей, и показал, что делит их со своим противником.

Вот еще одна особенность этих германцев, подумал Эркенберт, вспоминая неискоренимую спесь своих соотечественников. Здесь люди сходятся легко. Они любят объединяться в товарищества, с общим котлом и бочкой пива. И выбирают себе вождя, который не стремится выделиться. Сила это или слабость?

Бруно снова подошел к столу, в его глазах сверкало веселье.

– Теперь вы меня запишете? – спросил он.

Арно потянулся за пером и пергаментом, а Бруно рассмеялся и, наклонившись к Эркенберту, сказал с неожиданной серьезностью:

– Вот что, друг. Говорят, ты видел великих воинов, Ивара Бескостного и даже Убийцу Бранда. Может ли такой, как я, сравниться с ними? Скажи правду, я не обижусь.

Эркенберт колебался. Он видел Ивара в схватке с лучшими воинами Мерсии, хоть и с приличного расстояния. Вблизи наблюдал поединок на сходнях между Иваром и Брандом. Дьякон вспомнил змеиную увертливость Ивара, его неожиданную в худощавом теле силу. Сравнил с тем, чему стал свидетелем только что, оценил размах плеч и повадку стоящего перед ним воина.

– Ивар очень быстро двигался, – наконец произнес Эркенберт. – От ударов скорее уклонялся, чем отбивал их, и все время готов был нанести ответный. Думаю, на открытом пространстве ты бы его одолел, потому что ты сильнее. Но ведь Ивар мертв.

Бруно кивнул:

– А каков Бранд, тот, кто убил Ивара?

– Бескостного убил не Бранд. Ивар оказался слишком быстрым для Бранда, как бы тот ни был могуч. Нет, – всколыхнулась в сердце Эркенберта ненависть, – Ивара победил другой. Сын керла, одержимый дьяволом. У него есть только собачья кличка Шеф, ведь он не знает, кто его отец. В честном бою ты победишь сотню таких, как он. И его теперь зовут королем!

В голубых глазах сквозила задумчивость.

– В честном бою или нет, но, по твоим словам, он сразил великого воина. Это не может быть случайностью. Таких людей никогда не следует презирать. Говорят, что главное достоинство короля – его удача.

Когда Шеф выбрался на берег, у него зуб на зуб не попадал от холода. Из-за прилива дважды пришлось плыть, недолго, но каждый раз промокая до нитки. Солнца, чтобы обсушиться в его лучах, уже не было. Бахрома водорослей отметила верхнюю черту прилива, за ней тянулась невысокая дамба, явно рукотворная. Шеф вскарабкался на нее и окинул взглядом море в тщетной надежде обнаружить разыскиваемый его «Норфолк» и через какой-нибудь час блаженствовать: сухая одежда и одеяло, ломоть хлеба с сыром, может быть, костер на песке и надежная охрана вокруг. В этот момент он не мог себе представить большего счастья для короля.

Море было пустым. Сумеречный свет стер все краски – серая вода, серое небо, серые отмели, медленно исчезающие в сумраке. Пока Шеф добирался до берега, он не слышал звуков сражения, но это ничего не значило. Может быть, «Норфолк» еще не снялся с мели. Или снялся и вступил в поединок с «Франи ормром». Или ушел в открытое море. Здесь надеяться не на что.

Шеф повернулся в сторону суши, взгляделся в бесцветную равнину. Вспаханые поля со всходами ячменя. Примерно в сотне ярдов за ними едва заметные темные пятнышки, которые вполне могут быть пасущимися коровами. И все исполнено благостного покоя. Здесь, на краю пиратского моря, живут сильные и смелые воины? Или рабы викингов? Или местный люд полагается на отмели, стерегущие врага со стороны моря? В любом случае с этого побережья много не возьмешь: плоское как доска, защищенное от прилива только шестифутовой дамбой, сырое, топкое и унылое.

А хуже всего, что обогреться тут негде. В лесу Шеф нашел бы для защиты от ветра упавшее дерево, сделал бы на сырой земле подстилку из веток, а то и нагреб бы на себя прошлогоднюю листву. Здесь же не видать ничего, кроме слякоти и мокрой травы.

Однако распаханые поля и луга с коровами доказывали, что где-то неподалеку деревня. Крестьяне не ходят пахать дальше чем за пару миль от дома, и рачительный земледелец в

страдный день не потратит лишнего времени на перегон стада волов утром и вечером. Значит, есть надежда разыскать дом, в котором обязательно будет очаг.

Шеф высматривал малейший проблеск света. Ничегошеньки. Этого следовало ожидать. У кого есть свет и огонь, у того хватит ума их спрятать. Шеф повернул налево, по той единственной причине, что так было дальше от земель христиан и Гамбурга вниз по Эльбе, и бодро двинулся вдоль дамбы. Если понадобится, решил он, можно идти всю ночь. Одежду он рано или поздно высушит прямо на себе. К утру голод станет волчьим, много сил уйдет на борьбу с холодом, но это можно перенести. Он неплохо подкормился за те месяцы, что был королем, а до этого ярлом. Теперь можно и порастрасти запасы. А вот если ляжет спать в поле, к утру будет мертв.

Через несколько минут ходьбы Шеф заметил, что пересекает тропинку. Он остановился. Не пойти ли по ней? Если жители здесь враждебны, он умрет задолго до рассвета.

Дробь дождевых капель по плечам подсказала решение. Он осторожно тронулся по тропе, единственным глазом вглядываясь в темноту.

Деревенка оказалась скопищем лачуг, их невысокие стены с трудом различались на фоне неба. Шеф задумался. Ни дома для господина, ни церкви для священника. Это хорошо. Хижины разных размеров: одни длинные, другие покороче. Ближайшая к нему – из самых коротких. Зимой эти люди, как и крестьяне в Норфолке, держат скот в доме. Если дом маленький, значит скота мало. А разве не легче найти сочувствие у бедных?

Он осторожно направился к ближайшей, самой маленькой хижине. За деревянными ставнями виднелся свет.

Шеф острием вверх воткнул в землю копьё Змеиного Глаза, вынул из-за пояса меч и взял его за клинок. Правой рукой постучал в хлипкую дверь. Внутри засуетились, забурчали. Со скрипом дверь отворилась.

Шеф шагнул в полуосвещенный дверной проем, неся меч на протянутых руках в знак мирных намерений. И вдруг обнаружил, что лежит на спине, созерцая небо. Удара он не почувствовал, даже не представлял себе, что случилось. Руки и ноги нахально игнорировали его настойчивые попытки пошевелиться.

Потом Шеф ощутил, что его схватили за шиворот и приподняли; в уши ворвались слова грубого, но разборчивого диалекта:

– Теперь порядок, заходи. Да встань ты на ноги, дай посмотреть на тебя при свете.

Ноги подгибались. Шеф, ухватившись за чье-то плечо, ввалился внутрь и рухнул на табурет перед очагом с догорающими поленьями.

Какое-то время он ничего не замечал, кроме тепла, протягивая к огню ладони и пытаясь с ним слиться. Когда от одежды пошел пар, он тряхнул головой, неуверенно встал и осмотрелся. На него пялился приземистый крепыш, руки в боки, с кудрявым чубчиком и выражением неистребимой смешливости на лице. Судя по величине его бородки, он был даже моложе, чем Шеф. Позади виднелось старшее поколение семьи, мужчина и женщина, они держались тревожно и недоверчиво.

Попытавшись заговорить, Шеф понял, что челюсть онемела. На правой стороне подбородка он нащупал шишку.

– Что ты сделал? – спросил он.

Крепыш еще шире расплылся в улыбке, замедленно показал прямой удар кулаком с поддержкой всем корпусом.

– Дал тумака, – ответил он. – Ты сам нарывался.

Шеф стал усиленно соображать. В Англии, да и в среде викингов, люди не так уж редко тузили друг друга кулаками, но военным спортом считалась борьба. Пока кто-то размахивался и бил рукой, и дряхлый старик успел бы уклониться. И, даже входя в темную комнату, Шеф должен был заметить свинг правой и среагировать. Тем более что не бывает ударов, сбивающих

с ног. Драка на кулачках – это долгая и неуклюжая возня, почему воины ее и презирают. Однако Шеф не успел ничего ни увидеть, ни почувствовать, пока не очутился на земле.

– Не удивляйся, – сказал старик в углу. – Наш Карли со всеми так делает. Он в этом первый на деревне. Но лучше расскажи, кто ты и откуда, а то он снова стукнет.

– Я отстал от корабля, – ответил Шеф. – Пришлось пешком и вплавь добираться до вашего берега.

– Ты из викингов? Твоя речь больше похожа на нашу.

– Я англичанин. Но долго был среди норманнов и понимаю их язык. И с фризцами я тоже имел дело. Вы говорите совсем как они. Вы фризцы? Свободные фризцы? – уточнил Шеф, вспомнив, как любят называть себя островитяне.

Засмеялась даже старуха.

– Свободные фризцы, – сказал юный крепыш, – живут на песчаных отмелях и стремглав бегут от смерти всякий раз, как завидят парус. Нет, мы германцы.

– Люди архиепископа? – настороженно поинтересовался Шеф.

Он уже увидел свой меч, поставленный кем-то в угол. Если ответ будет неправильным, Шеф рванется за оружием и попытается сразу убить крепыша.

Они опять засмеялись:

– Нет. У нас кто христиане, кто молится старым богам, а кто и никаким. Но никто не хочет платить десятину или кланяться хозяину. Мы люди земли Дитмаршен, – гордо закончил юноша.

Шеф никогда не слышал такого названия. Но кивнул.

– Я промок и замерз. И голоден, – добавил он. – Можно до утра остаться в вашем доме?

– Добро пожаловать, спи у очага, – сказал старик, которого Шеф счел отцом крепыша и хозяином дома. – А что до голода, мы и сами с ним знакомы. Завтра ты должен будешь явиться на деревенский сход.

«Я уже был под судом викингов, – подумал Шеф. – Но может быть, в Дитмаршене суд милостивее, чем в Великой армии».

Потирая распухшую щеку, он пристроился у очага. Было слышно, как хозяева укладываются спать.

Глава 6

Утром Шеф проснулся на удивление спокойным и отдохнувшим. Первые несколько мгновений, лежа на утоптанном земляном полу, не мог понять, где находится. Очаг погас, и от ночного холода Шеф спасался, свернувшись калачиком и обхватив колени руками. Одежда просохла, но стала жесткой и шершавой от морской соли. Желудок ныл от голода. Одинок и нищий в незнакомой и, может быть, враждебной стране – почему же он совсем не встревожен?

Шеф встал, лениво потянулся, распахнул деревянные ставни, впусив в дом утреннее солнце и свежий воздух, пахнувший травой и цветами. Он уже знал ответ. Потому что с него свалился груз забот. Впервые за долгие месяцы не нужно было думать о других: как их подбодрить, как их убедить, как им польстить, чтобы выполнили его волю. Детские годы приучили его к холоду и голоду. А также к побоям и угрозе попасть в рабство. Но теперь он не ребенок, а мужчина в расцвете сил. Если кто-то его ударит, получит сдачи. Взгляд Шефа остановился на оружии, которое стояло в углу. Меч Храни и копьё Сигурда. Сейчас это было единственное его достояние, не считая амулета на шее, огнива и ножа на поясе. Это уже что-то.

Краем глаза Шеф увидел, что пожилые супруги слезли со своей лежанки. Мужчина сразу вышел на улицу. Это выглядело зловеще. Женщина достала из-под грубо сбитого стола ступку, засыпала в нее из бочонка горсть зерна и принялась толочь пестом. Эти звуки еще сильнее напомнили Шефу детство. Вроде тогда каждый день начинался одинаково, с хруста перемалываемого на муку зерна. Только ярлы и короли жили так, что могли не слышать каждый день этот шум. Воины больше всего ненавидели такую работу, хотя в походах и им приходилось молотить. Возможно, женщины тоже ее ненавидят, подумал Шеф.

По крайней мере, видно, что у его хозяев есть еда. Желудок мучительно откликнулся на эту мысль, и Шеф снова уставился на оружие.

Прикосновение к руке. Парень с кудрявым чубом – как всегда, улыбается. На немой ладони он протягивает ломоть черного хлеба с куском остро пахнущего желтого сыра. Шеф взял, и рот моментально наполнился слюной, а парень достал луковицу, разрезал ножом и протянул половинку Шефу.

Они присели на корточки и стали есть. Хлеб был черствым, с отрубями и песком. Шеф рвал его зубами, набивал рот.

Через какое-то время желудок поумерил свои притязания, вернулась боль в челюсти, и Шеф вспомнил загадочное вчерашнее происшествие. Ощупывая шишку, он увидел, что парень – как там его называли? наш Карли? – ухмыляется.

– Почему ты меня ударил?

Карли, кажется, удивился вопросу:

– Я не знал, кто ты. Самый простой способ разобраться с тобой. И с любым другим.

Шеф почувствовал раздражение. Он проглотил последний кусочек сыра, встал на ноги, приподнял локти и напряг мышцы спины. Вспомнил убитого им вчера воина, юного викинга из Эбельтофта. Тот был даже крупнее, чем Шеф, а ведь Шеф на голову выше Карли.

– Ты бы не смог этого сделать, если бы не темнота.

Карли тоже поднялся, на лице мелькнула радость. Он принялся кружить вокруг Шефа, как-то странно пританцовывая, что было совсем не похоже на стойку серьезного борца. Кулаки он сжал, голова клонилась к плечу. В нетерпении Шеф шагнул вперед, чтобы схватить Карли за запястье. Кулак полетел ему в лицо, Шеф от него отмахнулся. Что-то ударило под ребра с правой стороны. Шеф не придавал этому значения, стараясь снова сделать захват. Затем боль пронзила печень, Шеф потерял дыхание и невольно прикрыл руками больное место. Тут же в голове что-то взорвалось, и он обнаружил, что цепляется за стенку. Когда распрямылся, рот был полон крови, зубы шатались.

Гнев охватил Шефа с быстротой молнии и заставил его восстановить контроль над телом, оттолкнуться от стенки и ринуться вперед для костоломного захвата. Но Карли впереди не оказалось, и, разворачиваясь за метнувшимся противником, Шеф почувствовал удар в спину, боль пронзила почки. Он снова отбил летящий в лицо кулак, на этот раз не забыв прикрыться снизу от незамедлительного удара в печень. Захват никак не получался, и пока Шеф соображал, он пропустил еще один удар, в скулу. Но, кружась, Шеф очутился рядом с прислоненным к стене копьём. Какая у Карли станет ухмылка, если...

Шеф выпрямился и развел руки в знак примирения.

– Ладно, – сказал он, глядя на улыбающегося Карли. – Ладно. Ты бы сбил меня с ног, даже если бы не было темно. Я вижу, ты знаешь что-то такое, чего я не знаю. Наверное, знаешь даже много такого.

Карли улыбнулся еще шире и опустил руки:

– Сдается мне, ты тоже знаешь кое-что – ты моряк, у тебя есть копьё и меч. Я-то дальше нашего Дитмаршена и не бывал, да и вообще редко выбирался из деревни. Как насчет обмена? Я покажу, что умею, а ты научишь меня тому, что умеешь ты. Ты быстро наловчишься бить и защищаться кулаками, как мы это делаем здесь, в Дитмаршене. Ты очень быстрый. Слишком быстрый для большинства наших пахарей.

– Договорились, – согласился Шеф.

Он плюнул на ладонь и взглянул на Карли – понятен ли тому смысл жеста? Парень ухмыльнулся и тоже плюнул на ладонь. Они ударили по рукам.

Шеф утер рукавом кровь из носа, и они по-приятельски опустили на корточки.

– Послушай, – сказал Карли, – сейчас у тебя есть дела поважнее, чем учиться кулачной драке. Мой старик пошел известить деревенских о твоём появлении. Они там соберутся и решат, что с тобой делать.

– А что со мной могут сделать?

– Во-первых, кое-кто скажет, что ты раб. Это скажет Никко. Он у нас самый богатый. Хочет быть господином. Но в Дитмаршене мало серебра, и мы никогда не берем друг друга в рабство. Он только и думает, как бы продать кого-нибудь на невольничьем рынке в Хедебю.

– Хедебю – датский город, – сказал Шеф.

Карли пожал плечами:

– Датский, немецкий, фризский – какая разница? С нами никто не хочет связываться. Они не смогут пройти через болота. И потом, они же знают, что серебра у нас нет. Кто придет за данью, может много потерять, а найти ничего не найдет.

– Рабом я быть не хочу, а какие еще возможности?

– Ты можешь быть гостем. – Карли искоса посмотрел на него. – Например, моим. Это означает обмен подарками.

Шеф дотронулся до своих локтей, сожалея, что вчера в последний момент снял золотые браслеты. Один из них обеспечил бы гостеприимство на целый год. Или нож в спину.

«Итак, что же у меня есть? Копьё. Меч. И это». Он вытащил из-под рубахи серебряную лесенку Рига и взглянул на Карли – знает ли тот, что это за амулет? Никакого интереса. Но Карли неоднократно поглядывал в угол.

Шеф прошел туда и сам принялся рассматривать оружие. Копьё с рунической надписью «Гунгнир»: отличная сталь, недавняя ковка, само просится в руку. Меч годится для боя, но немножко тяжеловат, клинок – просто заточенное железо без специально наваренного лезвия – уже слегка покрыт ржавчиной. Мечи ценятся выше, чем копьё, это оружие настоящего воина. И все же...

Шеф протянул меч:

– Держи, Карли. – Он заметил, как неловко юноша взял меч за рукоять – очень опасно при парировании удара. – И за мной еще два дела. Во-первых, я научу тебя биться на мечах. Во-вторых, когда найдем кузницу, я тебе перекую этот меч, сделаю получше.

Веснушчатое лицо вспыхнуло от удовольствия, и в это время дверь отворилась. Отец Карли ткнул большим пальцем себе за плечо:

– Пойдем, пришелец. Сход собрался.

Около сорока мужчин стояли неправильным кругом, а жены и дети поодаль образовали внешнее кольцо. Все мужчины были вооружены, хотя и скудно: топоры да копья, ни шлемов, ни кольчуг. У некоторых были щиты, но не надетые на руку для боя, а висащие на спине.

Пред дитмаршенцами предстал высокий воин, чье призвание безошибочно угадывалось по его стати: прямая спина, широкие плечи, ни малейшей сутулости, отличающей землепашцев, которые ходят за плугом, орудуя серпом и мотыгой. Однако на нем не было ни золота, ни серебра, только длинное копьё в правой руке. Он был весь покрыт шрамами, одно веко свисало над пустой глазницей, и одна сторона лица казалась стянутой. На лице запеклась не замеченная им кровь, а рубашка и штаны были грязнее, чем у крестьян. Круг пялился на него, пытаясь истолковать увиденное. По толпе пронесся шумок пересудов – это из хижины вышел Карли и стал позади Шефа, сжимая в неопытной руке подаренный меч.

Шеф огляделся, стараясь оценить ситуацию. Утреннее ощущение покоя и уверенности не покидало его, несмотря на стычку с Карли. В задумчивости он вытащил из-за пазухи цепочку с серебряным амулетом Рига. Еще раз пронесся шумок, люди подошли поближе, чтобы разглядеть вещицу. Некоторые, может быть четвертая часть присутствующих, тоже достали свои пекторали: молоты, лодки, фаллосы. Но ни одного такого, как у незнакомца.

Глядя Шефу прямо в лицо, вперед шагнул грузный мужчина средних лет, с кирпично-красными щеками.

– Ты пришел с моря, – сказал он. – Ты викинг, из северных бандитов. Даже такой, как ты, должен понимать, что ему лучше не соваться в Дитмаршен, где живут свободные люди. Мы возьмем тебя в рабство и продадим твоим сородичам в Хедебю. Или людям епископа в Гамбурге. Если только кто-нибудь не захочет выкупить тебя – но, судя по твоему виду, этого не случится.

Какой-то инстинкт подсказал Шефу пересечь круг и неторопливо приблизиться вплотную к обвинителю. Он гордо поднял голову, чтобы подчеркнуть свое превосходство в росте.

– Если ты знаешь, что я пришел с моря, – произнес Шеф, – ты должен знать, что в море сражались два корабля. На одном были викинги. Это был «Франи ормр», главный корабль Сигурда Змеиный Глаз. Разве ты не видел знамя Ворона? Другой корабль был мой, и Сигурд бежал от меня. Верни меня на корабль, и я заплачу серебром, сколько ты вешишь.

– Это какие же корабли преследуют викингов? – спросил толстяк.

– Английские корабли.

В толпе послышались возгласы удивления и недоверия.

– Это правда, что на первом корабле были викинги, – раздался голос. – Но они не убегали. Они заманивали второй корабль и здорово одурачили его шкипера. Если на втором корабле были англичане, они, наверное, все дураки. И мачта с парусом у них тоже дурацкие.

– Доставь меня на корабль, – повторил Шеф.

Позади него заговорил Карли:

– Он не смог бы этого сделать, если б и захотел. У нас нет лодок. Мы, дитмаршенцы, очень смелые в болотах, но в полумиле от берега уже начинаются разбойничьи воды.

Толстяк покраснел и сердито огляделся:

– Может, и так. Но если тебе больше нечего добавить, одноглазый, тогда остается то, что я сказал. Ты мой раб, пока я не найду на тебя покупателя. Отдай копьё.

Шеф подбросил копьё, перехватил его поудобнее и сделал ложный выпад. Когда толстяк отскочил, Шеф широко улыбнулся и повернулся спиной к дитмаршенцу, игнорируя его топор. Он пошел вдоль круга, всматриваясь в лица и обращаясь к тем, кто носил амулеты. Эти люди, решил Шеф, в точности как норфолкские крестьяне, чьи споры он столько раз судил в свою бытность ярлом. Значит, надо вызвать интерес и сыграть на противоречиях между деревенскими.

– Странные дела, – заговорил он. – Когда человека выбрасывает на берег, живого или мертвого, как вы с ним поступаете? В нашей стране рыбаки, если у него есть деньги, носят в ухе серебряное кольцо. Вы знаете зачем. Если он утонет и тело будет выброшено на берег, жители возьмут плату за похороны. Покойника все равно предали бы земле – таков долг, но кому понравится делать это бесплатно? И вот он я, кольца в ухе нет, но я и не мертв. Разве я заслуживаю худшего обращения? Я причинил кому-то вред? Я сделал подарок вашему Карли, а он в ответ сбил меня с ног, расквасил нос, расшатал зубы, вывихнул челюсть – мы теперь лучшие друзья.

Удовлетворенный гул. Как и предполагал Шеф, Карли здесь был предметом и восхищения, и постоянных шуток.

– Кто меня удивляет, так это наш приятель, что стоит сзади. – Шеф ткнул пальцем себе за плечо. – Он говорит, что я раб. Ладно, допустим. Но он говорит, что я его раб. Разве я пришел в его дом? Разве он с риском для жизни скрутил меня голыми руками? Разве вы согласны, что все выброшенное морем принадлежит ему? Так ли это?

На этот раз гул был недвусмысленно неодобрительным, а Карли негодуяше фыркнул.

– Тогда я предлагаю вот что. – Шеф уже обошел весь круг и снова встал перед толстяком. – Если хочешь сделать меня рабом, Никко, отведи в Хедебю и продай на невольничьем рынке. Но выручку придется разделить на всех жителей деревни. А пока мы не в Хедебю, я остаюсь свободным: никаких цепей или ошейника. И копьё побудет при мне. Не волнуйтесь, я отработаю свое содержание, – обратился Шеф ко всем и дотронулся до амулета. – Я знаю кузнечное ремесло. Дайте мне кузню и инструменты, я сделаю все, что вам понадобится.

– Звучит достаточно справедливо, – раздался голос. – У меня лемех сломался, нужна аккуратная работа.

– Он говорит не как викинг, – поддержал другой. – Больше похоже на фризца, только они все с насморком, а он без.

– Слышали насчет дележа денег? – добавил третий.

Шеф плюнул на ладонь и выжидающе посмотрел на толстяка. Нехотя, с ненавистью в глазах, дородный Никко плюнул тоже. Они небрежно ударили по рукам. Шеф повернулся и приблизился к Карли.

– Я хочу, чтобы ты тоже пошел в Хедебю, – сказал он. – Мир посмотришь. Но нам обоим надо кое-чему научиться, прежде чем мы туда отправимся.

За сорок миль от берега, вблизи Святого острова, на волнах, как стая гигантских морских птиц, покачивался с убранными парусами английский флот. В центре четыре корабля были сцеплены воедино для совета: «Норфолк», ускользнувший из мутных и вязких протоков Элбер-Гата, «Суффолк» под командой старшего шкипера англичан Хардредра, «Морж» Бранда и «Чайка» Гудмунда Жадного, представлявших викингов Пути. Страсти накалились, и к прислушивающимся морякам долетали по волнам громкие голоса.

– Не могу поверить, что вы просто бросили его на Тором проклятой песчаной отмели! – Бранд едва не рычал.

С лица Ордлафа не сходило упрямое выражение.

– Нам ничего другого не оставалось. Он исчез из виду, вода прибывала, начиналась ночь, никакой уверенности, что Сигурд и его отборные бойцы не выскочат из-за соседней отмели. Пришлось убираться.

– Ты думаешь, он жив? – спросил Торвин, по бокам которого сидели специально приглашенные два жреца Пути.

– Я видел, что за ним пошли четверо. Вернулись трое. Они не выглядели довольными. Вот и все, что я могу сказать.

– Значит, есть шанс, что он застрял где-то в Дитмаршене, – заключил Бранд. – У этих олухов с утиными ногами.

– Говорят, он и сам жил на болотах, – сказал Ордлаф. – Если Шеф там, с ним, наверное, все в порядке. Почему бы просто не отправиться за ним? Сейчас светло, и мы можем воспользоваться приливом.

На этот раз пришла очередь Бранда упрямитесь.

– Далеко не лучшая идея. Во-первых, в Дитмаршене никто не высаживается, даже ради питьевой воды и вечернего страндхуга¹. Слишком много отрядов после этого пропало. Во-вторых, как я вам говорил еще неделю назад, это лоцманские воды. А вы отвечали, что пройдете с впередсмотрящими и лотом! Вы сели на мель и можете сесть снова, на этот раз намертво. А в третьих, Рагнарссоны все еще где-то неподалеку. Вначале у них была длинная сотня кораблей, сто двадцать, как вы сами насчитали. Сколько, по-вашему, мы утопили и захватили?

Ответил Хардред:

– Мы захватили шесть. Мулами утопили по крайней мере еще дюжину.

– Значит, их осталось сто против наших пятидесяти. Меньше пятидесяти, потому что они подошли к «Букингему» и пробили дыру в его днище, а у меня на полудюжине кораблей осталось слишком мало бойцов. И мы больше не сможем захватить противника врасплох.

– Так что нам делать? – спросил Ордлаф.

Наступило долгое молчание. Его наконец прервал Хардред, чей чистый англосаксонский выговор забавно контрастировал с военным жаргоном норманнов и с английским остальных присутствующих.

– Раз мы, как вы говорите, не можем спасти нашего короля, – начал он, – то мой долг – вернуть флот в английские воды и получить указания от Альфреда. Он мой государь, и по соглашению между ним и королем Шефом... – он замялся, подбирая слова, – каждый из них наследует все права другого, если другой уйдет из жизни раньше. Что сейчас, кажется, и произошло.

Он переждал, пока не уляжется буря возражений, и твердо продолжил:

– В конце концов, этот флот теперь главная надежда и защита английских берегов. Мы знаем, что можем потопить пиратов, если они полезут на нас, и так мы и сделаем. В этом была главная цель короля Шефа, как и короля Альфреда, – сохранить мир и покой на побережье и в прилегающих к нему землях. Будь Шеф здесь, он бы сам приказал сделать то, что я предлагаю.

– Ты можешь идти! – вскричал Квикка, освобожденный раб. – Можешь возвращаться к своему государю. А наш государь – тот, кто снял с нас ошейники, и мы не допустим, чтобы на него надела ошейник какая-то утколапая деревенщина.

– Как вы собираетесь добраться? – спросил Хардред. – Вплавь? Бранд не хочет туда идти. А Ордлаф не осмелится в одиночку.

– Мы не можем просто взять и вернуться в Англию, – настаивал Квикка.

Раздался густой бас Торвина:

---

¹ *Страндхуг* (др. – сканд. Strandhögg) – высадка викингов на берег с целью отдыха или принудительного изъятия продовольствия у крестьян.

– Кажется, я знаю, куда мы можем пойти. Или часть из нас. Что-то мне подсказывает: это не похоже на Шефа Сигвардссона – тихо умереть или исчезнуть. Может быть, кто-то захочет получить за него выкуп. Или продать его. Если направимся в крупный порт, куда доходят все новости, мы что-нибудь о нем услышим. Я предлагаю некоторым из нас пойти в Каупанг.

– Каупанг, – сказал Бранд, – святилище Пути.

– У меня есть свои причины появиться там, это так, – сказал Торвин. – Но у Пути много последователей и много возможностей, а в святилище глубоко озабочены судьбой Шефа. Там мы получим помощь.

– Я туда не пойду! – резко заявил Хардред. – Слишком далеко и слишком опасно, все время через враждебные воды, а мы теперь знаем, что «графства» мало пригодны для плавания в открытом море.

Ордлаф кивнул, угрюмо выражая готовность рискнуть.

– Одни вернутся, другие пойдут в Каупанг, – сказал Торвин.

– Думаю, большинство вернется, – сказал Бранд. – Сорока кораблей, и даже пятидесяти, недостаточно, чтобы бороться против всех пиратов Севера и Дании: Рагнарссонов, короля Хальвдана, ярла Хлатира, короля Гамли, короля Хрорика и всех прочих. Необходимо вернуться и защитить Путь в Англии. Слишком многие хотят уничтожить его. Я возьму «Моржа». Пойду морем, к берегу жаться не буду. Я пробьюсь. Доставлю тебя, Торвин, и твоих жрецов в Каупанг, в святилище. Кто еще? Как насчет тебя, Гудмунд?

– Возьми нас! – Квикка вскочил на ноги, его лицо покраснело от возбуждения. – И моих помощников, и катапульту, мы можем снять ее с «Норфолка», раз йоркширец боится рисковать своей шкурой. Тогда можно будет взять Ковпанга, Дитфена – всех.

Дружный гул в передней части судна засвидетельствовал, что освобожденные рабы из прислуги катапульты внимательно слушают.

– Меня тоже, – произнес едва слышно голос, принадлежавший фигурке, что выглянула из-за мачты.

Бранд крутил головой в разные стороны, пока не понял, что это сказал Удд, мастер по железу, взятый в рейс исключительно в качестве запасного наводчика катапульты.

– Тебе-то что понадобилось в Норвегии?

– Знания, – отвечал Удд. – Я слышал, что говорят про Ярнбераланд. Страна железа, – перевел он.

Еще одна шуплая фигура молча предстала перед собравшимися. Хунд, лекарь, друг детства Шефа, ныне носящий серебряное яблоко Идун на шее.

– Отлично! – решительно сказал Бранд. – Я беру своих моряков и «Чайку» для сопровождения. Еще есть место для десяти добровольцев. Ты, Хунд, ты, Удд, и ты, Квикка. Остальные пусть бросят жребий.

– И мы в качестве пассажиров, – добавил Торвин, кивая на двух братьев-жрецов. – До святилища Пути.

Глава 7

Утопая ногами в трясине, Шеф отступил на шаг. Он стремительно вращал очищенной от коры веткой и внимательно следил за Карли. Крепыш больше не ухмылялся, он был полон решимости. По крайней мере, научился правильно держать меч, чтобы клинок был на одной линии с предплечьем, – так выпад или отбив не уйдет в сторону.

Шеф рванулся вперед. Удар справа, слева, выпад и шаг в сторону, как Бранд учил его много месяцев назад в лагере под Йорком. Карли легко парировал, не только ухитряясь попасть по ветке своим тяжелым клинком, но и каждый раз верно направляя его, – у него была просто изумительная быстрота реакции. Однако все та же старая ошибка.

Шеф слегка ускорил бой, сделал ложный выпад снизу и сильно хлестнул Карли по руке с мечом. Отступив, он опустил палку.

– Ты должен помнить, Карли, – сказал Шеф. – Ведь не веники режешь. У тебя обоюдо-острый клинок, а не секач. Для чего, по-твоему, нужно лезвие на второй стороне? Не для прямого удара, потому что ты всегда рубишь одной стороной, полностью вкладывая силу.

– Это нужно для обратного удара, – сказал Карли. – Я знаю, знаю. Просто не могу свою руку заставить, пока об этом не подумаю, а когда думаю, получается слишком поздно. Вот скажи, что будет, если я попробую драться с настоящим воином, викингом с корабля?

Шеф протянул руку за мечом, критически осмотрел лезвие. Это было неплохое оружие – после перековки. Но, располагая только тем, что имелось в деревенской кузнице, он сделал не много. Клинок по-прежнему был из цельного куска металла, без чересплосицы мягкого и твердого железа, которая придает лучшим мечам гибкость и прочность. Не смог он также наварить по краям клинка закаленные лезвия, которые отличали профессиональное оружие, – не нашлось хорошей стали, да и горн был слабоват, давал лишь красное каление. И теперь каждый раз, когда они уходят за деревню и Шеф фехтует с Карли своим Гунгниром, как алебардой, на дешевом железе меча появляются зазубрины, которые приходится править молотком и напильником. Однако и по зазубринам можно кое-что узнать. Если они образуются под прямым углом к клинку, значит Карли фехтовал правильно. От неумелого отбива на металле остаются царапины и зазубрины, идущие наискосок. В этот раз их нет.

Шеф отдал меч.

– Если столкнешься с настоящим воином, вроде человека, который обучал меня, ты умрешь, – сказал он. – Как и я бы умер. Но в армии викингов полно крестьянских детей. Ты можешь встретить одного из них. И не забывай, – добавил он, – если сойдешься с настоящим мечником, ты не должен драться честно.

– Ты так делал, – догадался Карли.

Шеф кивнул.

– Ты много чего делал, Шеф, о чем мне не рассказываешь.

– Если расскажу, ты не поверишь.

Карли сунул меч в деревянные, подбитые мехом ножны, которые они специально изготовили, – только в таких можно защитить меч от ржавчины в вечно влажном климате Дитмаршена. Оба побрели к лагерю, разбитому ярдах в тридцати, на полянке, где в тумане будто нехотя дымился костер.

– И ты не сказал, что собираешься делать, – продолжал Карли. – Неужто и впрямь позволишь Никко продать тебя на невольничьем рынке в Хедебю?

– Я и впрямь доберусь до Хедебю, – отвечал Шеф. – А там поглядим. Я не намерен кончить свои дни рабом. Скажи, Карли, как мои успехи?

Речь шла о тех долгих часах, которые Карли в обмен на уроки фехтования потратил, чтобы научить Шефа сжимать кулаки, бить коротким прямым вместо обычных размашистых свингов, двигаться и вкладывать в удар вес тела, защищаться руками и уворачиваться.

На лице Карли снова появилась обычная ухмылка.

– Да похоже, как и мои. Если встретишь настоящего противника, кулачного бойца с болот, он тебя одолеет. Но ты вполне можешь сбить человека с ног, если он будет стоять смиренно.

Шеф задумчиво кивнул. Кулачному бою стоило научиться. Странно, что жители этого забытого уголка искусны только в одном виде единоборств. Наверное, они слишком мало торгуют и не имеют металла, вот и приходится драться голыми руками.

Один лишь Никко заметил возвращение Шефа и Карли в лагерь, наградив обоих сердитым взглядом.

– Мы будем в Хедебю завтра, – сказал он, – там наконец прекратятся твои гулянки. Я сказал, твои гулянки пора прекратить! – сорвался он на визг, так как Шеф его проигнорировал. – В Хедебю у тебя появится хозяин, он не даст валять дурака и прикидываться воином. Ты будешь вкалывать от зари до зари, об этом позаботится кожаный кнут. Ты его пробовал, я видел твою спину. Никакой ты не воин, а просто беглый!

Карли пнул комок грязи, едва не угодив в котелок Никко, и крик перешел в злобное бормотание.

– Это у нас последняя ночь, – негромко сказал Карли. – Есть идея. Завтра пойдем по хорошей дороге, по сухой земле, где живут датчане. Ты-то сможешь с ними разговаривать, а я плохо знаю язык. Но в полумиле отсюда есть деревня, там девки говорят по-нашему, по-болотному, как я и ты, – твой говор больше похож на фризский, но они тебя поймут. Так почему бы нам не наведаться туда и не узнать, вдруг там кому-нибудь надоели их утконогие парни?

Шеф взглянул на Карли со смесью раздражения и симпатии. За неделю, проведенную в приморской деревне, он понял, что Карли жизнерадостный, открытый и легкомысленный – женщины таких обожают. Их привлекают юмор и беззаботность. Похоже, он побегал за каждой юбкой в своей деревне, и, скорее всего, успешно. Некоторые мужья и отцы знали, да помалкивали, не давали Карли повод пустить в ход кулаки. Всеобщим одобрением было встречено решение послать Карли на ярмарку вместе с Никко и другими, независимо от того, пойдет с ними Шеф или нет.

Последняя ночь, которую Карли провел под родительским кровом, то и дело прерывалась царапаньем в ставни и молчаливым уходом в кусты за хижинкой.

К этим женщинам Шеф не имел никакого отношения, и у него не было оснований ревновать... Однако Карли пробудил тревогу в его душе. В юности, работая в кузнице на фенах Эмнета и разнося по соседним деревням заказы, Шеф несколько раз имел дело с девушками – дочерьми керлов и даже рабов. Не с юными леди, чье девичество было предметом семейной гордости и тщательно охранялось, а с теми, кто всегда готов открыть невинному юнцу глаза на жизнь. Впрочем, Шеф никогда не пользовался у женского пола таким успехом, как Карли. Возможно, девушек пугала его серьезность и одержимость; они догадывались, что все его помыслы о будущем; но он, по крайней мере, не чувствовал себя обделенным или неполноценным.

Потом был набег викингов на Эмнет, его приемного отца искалечили, схватили Годиву. То утро в убогой лесной лачуге, когда он стал для Годивы первым мужчиной и решил, что достиг предела мечтаний. С тех пор у Шефа не было близости с женщиной, даже с Годивой, хоть он и вернул ее себе; не было даже после того, как на него надели золотой королевский венец. Напрасно половина шлюх в Англии ждала его знака. Шеф иногда задумывался, не подействовала ли на рассудок Иварова угроза кастрировать его. Он знал, что остается полноценным мужчиной, но ведь таковым, по словам Хунда, был и сам Ивар, и все-таки его прозвали

Бескостным. Неужели Шеф заразился бессилием от человека, которого убил? Или его сводный брат, муж Годивы, проклял его перед тем, как был повешен?

Что-то не так с рассудком, а не с телом, Шеф понимал это. Причина кроется в отношении к женщине, которую он любил как свое искушение и как свою невесту. Эта женщина отказала ему и решила выйти за Альфреда, самого верного мужчину из всех, кого встречал Шеф. Как бы то ни было, лекарства он не знал. Пойти с Карли – значит подвергнуться унижению. Завтра будет невольничий рынок, а еще через день его обработают холостильщики.

– Думаешь, у меня есть шанс? – спросил он, указывая на свое изуродованное лицо.

Физиономия Карли расплылась от радости.

– Конечно! Длинный здоровенный парень, мускулы кузнеца. Говоришь как иностранец, сплошная загадка. Ты ж пойми, этим бабам так скучно! Здесь ничего не происходит. Им не разрешают подходить к дороге, где кто-нибудь мог бы на них позариться. А на болото ни одна живая душа не заходит. Бабы видят одни и те же лица со дня рождения и до дня смерти. Я тебе говорю... – И Карли пустился в рассказы, как девушки Дитмаршена бывают рады любой прихоти симпатичного прохожего – да хоть бы и безобразного, – пока Шеф помешивал варево и накручивал на прутики полоски теста, чтобы обжарить на огне.

Он не считал, что план Карли удастся, нет, с кем угодно, но только не с ним. Но в морской поход Шеф отправился еще и для того, чтобы забыть о свадьбе Альфреда и Годивы. Надо использовать любую возможность, чтобы снять порчу. Хотя вряд ли это возможно. Чтобы стереть его воспоминания, понадобится нечто посерьезнее, чем ласки девки из болотной деревни.

Через несколько часов, возвращаясь темной ночью по болоту в лагерь, Шеф в который раз поразился собственному равнодушию. Все произошло примерно так, как он и предвидел. Они наведались в деревню в тот час, когда добрые люди выходят на улицу посудачить. Обменялись со встреченными жителями новостями. Карли бросал многозначительные взгляды по сторонам. Он перекинулся парой слов с девушкой, а затем и с другой, пока Шеф отвлекал внимание мужчин. В сумерках гости распрощались и ушли из деревни, а затем прокрались за околицу, в ивовый шалаш над стоячей водой. Вскоре появились девушки – запыхавшиеся, взволнованные.

Шефу досталась пышечка с надутыми губками. Сначала она вела себя кокетливо. Потом презрительно. И наконец, когда поняла, что Шеф уже ни на что не надеется и вовсе не тревожится из-за своей несостоятельности, стала заботливой. Она погладила его изуродованное лицо, нащупала через рубаху шрамы на спине.

– Ты знавал худые времена, – сказала полувопросительно.

– Еще хуже, чем эти шрамы, – ответил он.

– Знаешь, нам, женщинам, тоже тяжело, – сообщила она.

Шеф вспомнил увиденное при разграблении Йорка и на руинах Эмнета, вспомнил свою мать и ее тяжелую долю, вспомнил Годиву и Альфгара. И розги, и Ивара Бескостного, и его зверства с женщинами. Задумался о девушках-рабынях, заживо погребенных со сломанным позвоночником, – на их кости он наткнулся в могиле старого короля. И не ответил ничего.

Они полежали молча, пока назойливый шум, который Карли производил со своей подружкой, не утих во второй раз, уже окончательно.

– Я никому не скажу, – прошептала она, когда довольная парочка вылезла из сырости и грязи.

Шеф больше никогда не увидит эту девушку.

«Меня должно беспокоить, – пришла вдруг мысль, – что я не такой, как все. Но почему-то не беспокоит».

Он остановился, нащупывая твердую почву тупым концом копья. В темноте что-то глухо шлепнулось в воду и забулькало, а Карли, охнув, вытащил меч.

- Это просто выдра, – заметил Шеф.
- Может быть. Но разве ты не знаешь, что на болотах еще кое-кто водится?
- Кто, например?

Карли помялся.

– Мы зовем их кикиморами.

– Мы тоже. Огромные твари, живут в топях и хватают детей, которые подходят слишком близко. Страшные женщины с зелеными зубами выпрастывают из воды сивые лапищи и переворачивают лодки, – добавил Шеф, приплетая побасенку, услышанную от Бранда. – Мерлинги, что сидят и пируют...

Карли цапнул его за руку:

– Хватит! Не называй их. А то услышат и явятся.

– Нет никаких кикимор, – заявил Шеф, снова нащупав твердый грунт и выйдя на тропу между омутами. – Просто народ придумывает объяснения, почему исчезнувшие не возвращаются назад. На таком болоте, чтобы пропасть, кикимора не нужна. Смотри, вон за тем ольшаником наш лагерь.

Когда они достигли края поляны, где все уже неподвижно лежали под одеялами, Карли взглянул на Шефа.

– Я тебя не понимаю, – сказал он. – Всегда такой уверенный, будто знаешь больше всех. Но ведешь себя как полоумный. Или ты послан богами?

Шеф заметил, что Никко не спит, а прячется в тени и подслушивает.

– Если и так, – отвечал он, – надеюсь, что завтра боги помогут мне.

Этой ночью во сне он почувствовал, как затылок сжимают стальные пальцы, поворачивая его голову то в одну, то в другую сторону.

Сначала он оказался на безлюдной равнине. Юный воин с трудом держался на ногах. Его оружие было покрыто темной запекшейся кровью, и кровь текла по бедрам из-под кольчуги. В руке он держал сломанный меч, а у его ног лежал другой воин. Откуда-то издалека до Шефа донеслось пение:

*Шестнадцать ран я получил, и мой сломался меч.
Глаза мои закрыты, не вижу, куда мне идти.
В сердце меня сразил меч Ангантира,
Кровь проливающий, закаленный ядом.*

«Мечи не закаляют ядом, – подумал Шеф. – Закаливание – это когда сильно нагретую сталь резко охлаждают. Почему в воде охлаждение недостаточно резкое? Может быть, из-за пара, который от нее идет. Что же такое пар?»

Пальцы сзади вдруг уцепили его, словно заставляя не отвлекаться. На краю равнины Шеф увидел летящих хищных птиц, и голос снова заговорил нараспев:

*Голодные вороны собираются с юга,
Белохвостые стервятники вслед за братьями летят,
В последний раз стол яств я им накрыл,
Моей нынче кровью птенцы войны насытятся.*

Позади птиц Шефу на миг пригрезились женщины, их несущиеся по ветру силуэты, а совсем вдалеке – открывающиеся в неясной дымке огромные двери, которые он видел раньше, – двери Валгаллы.

«Итак, герои умирают», – сказал другой голос.

Даже в сонном оцепенении Шеф заledenел, узнав в том голосе злоеущие иронические нотки своего покровителя, бога Рига, чей амулет-лесенку он носил на шее.

«Это смерть Хьялмара Великодушного, – продолжал голос. – Сошелся в схватке со шведским берсерком, вот и два новобранца для отца моего Одина».

Видение исчезло, и Шеф почувствовал, что его глаза сверхъестественным образом поворачиваются в сторону. Миг, и в поле зрения возникло новое видение. Шеф смотрел вниз, на узкую соломенную подстилку, лежащую на земляном полу. Комната была явно не из главных, может чулан, холодный и неудобный. На подстилке старуха корчилась в муках, но делала это осторожно. Шеф знал: ей недавно было сказано, что она умирает. Сказано лекарем или коновалом. Не из-за болезни легких, которая обычно уносит стариков зимой, но из-за опухоли или внутреннего повреждения. Она страдала невыносимо, хотя боялась признаться в этом. У нее не осталось родственников; если были муж или сыновья, они уже умерли или оставили ее; она жила скудной милостью чужих людей. Причины она хоть малейшее беспокойство – и лишится даже подстилки и куска хлеба. Жива ли она, не имело значения.

Это была девушка, с которой он расстался на болоте, встречающая закат своей жизни. Или могла быть она. Это мог быть и кто-то еще: Шеф подумал о матери Годивы, ирландской рабыне, которую его приемный отец Вульфгар взял в наложницы, а потом, когда жена приревновала, продал, разлучив с ребенком. Но были и другие, много-много других. Мир полон отчаявшихся старух, да и стариков, из последних сил старающихся умереть тихо, не привлекая внимания. Все они сойдут в могилу и исчезнут из памяти. Все они когда-то были молодыми.

От увиденного на Шефа накатилa волна безнадежности, какой он еще никогда не испытывал. А еще в происходящем было что-то странное. Эта медленная смерть может произойти в далеком будущем, подумал он в самом начале, когда вроде бы узнал женищину. Или она могла случиться в прошлом, много лет назад. Но спустя миг Шеф, кажется, понял одну вещь: старая женщина, молящая на соломенной подстилке о незаметной смерти, была им самим. Или это он был ею?

Проснувшись как от толчка, Шеф испытал облегчение. Все кругом тихо спали под своими одеялами. Он медленно выдохнул и постепенно расслабил напряженные мышцы.

На следующее утро они почти сразу ушли с болот. Только что пробирались в густом холодном тумане среди черных омутов и неглубоких ручьев, которые, казалось, никуда не текли; затем земля со скудным травяным покровом пошла вверх, и взгляду Шефа предстала уходящая к горизонту дорога Великой армии, по которой взад-вперед шагали путники. Шеф оглянулся на Дитмаршен – тот, как одеялом, был укрыт туманом. На солнце марево рассеется, а в сумерках опустится опять. Неудивительно, что дитмаршенцы живут впроголодь и не ждут незваных гостей.

Шефа также удивили перемены, произошедшие с его спутниками на дороге. На болотах они казались спокойными и уверенными, готовыми посмеяться и над всем миром, и над соседями. Здесь же сразу притихли, ступевались, боясь обратить на себя внимание. Шеф обнаружил, что он один держится с высоко поднятой головой, а все остальные сутулятся и сбиваются в кучу.

Вскоре их догнала ватага всадников, десять или двенадцать, с навьюченными лошадьми, – соляной обоз, направляющийся на север, к полуострову Ютландия. Проезжая мимо, эти люди переговаривались на языке норманнов.

– Ишь ты, утконогие вылезли из болот. Куда они тащатся? Смотри, один высокий, – должно быть, мамашка его согрешила. Эй, болотные, вам чего надо? Лекарство для прыщавых животов?

Шеф улыбнулся самому громкому насмешнику и откликнулся на хорошем норманнском языке, которому научился от Торвина, а затем от Бранда и его людей.

– Что ты лопочешь, ютландец! – Он преувеличил гортанную хрипоту диалекта Риббе, на котором говорили всадники. – Ты по-норманнски говоришь или у тебя простуда? Попробуй размешать в пиве мед, тогда, может, откашляешься.

Купцы придержали коней и уставились на него.

– Ты не из Дитмаршена, – заявил один из них. – И на датчанина не похож. Откуда родом?

– Enzkr em, – твердо сказал Шеф. – Англичанин.

– Говоришь как норвежец, притом как норвежец с края света. Я слышал такой говор, когда торговал мехами.

– Я англичанин, – повторил Шеф. – И не торгую мехами. Я иду с этими людьми на невольничий рынок в Хедебю, где они надеются продать меня. – Он вытащил на всеобщее обозрение амулет-лесенку, полностью повернул свое лицо к датчанам и торжественно подмигнул единственным глазом. – Нет смысла делать из этого тайну. В конце концов, я должен подобрать себе покупателя.

Датчане переглянулись и тронулись в путь, оставив Шефа вполне довольным. Англичанин, одноглазый и с серебряным амулетом-лесенкой на шее. Теперь достаточно, чтобы о нем услышал кто-нибудь из друзей Бранда, или из прошлогодних шкиперов, вернувшихся домой, или любой человек Пути, и тогда у Шефа будет шанс вернуться в Англию. Правда, не хотелось бы на Балтийском побережье нанять судно из Хедебю.

На него хмуро глядел Никко, заподозривший неладное.

– Я отниму у тебя копье, когда подойдем к рынку.

Шеф молча показал копьем на деревянный частокол показавшегося вдали Хедебю.

На следующий день, не спеша прогуливаясь вдоль торговых рядов, Шеф почувствовал, что сердце забилось учащенно. Его не покидало внутреннее спокойствие – или это было безразличие – с тех пор, как он, больше уже не король, проснулся в лачуге Карли. И хотя Шеф знал, что намеревается сделать, когда настаивал на путешествии в Хедебю, он не мог заранее угадать, как все обернется. Многое зависело от того, какие права имеет здесь человек.

Невольничий рынок был просто расчищенной площадкой на берегу, а посередине – насыпь высотой в несколько футов, чтобы показывать товар покупателям. На заднем плане не знающая приливов Балтика лениво лизала волнами узкую полосу песка. В стороне уходил далеко в мелководье деревянный пирс, к нему приставали груженные товаром широкогрудые кнорры. Вокруг рынка высился крепкий бревенчатый частокол, кажущийся игрушечным по сравнению с римскими крепостными укреплениями в далеком Йорке, но содержащийся в должном порядке и строго охраняемый. Шеф мало слышал о подвигах короля Хрорика, который правил в Хедебю и на тридцать миль к югу, до самого Датского Вала. Его казна полностью зависела от пошлин, которые он брал с купцов в порту, поэтому он пекся о свободе торговли и вершил суд скорый и суровый. Время от времени Шеф поглядывал на виселицы, ясно различимые на отдаленном мысу, на которых болталось с полдюжины повешенных. Хрорик всячески старался показать купцам, что их права соблюдаются. Одна из многих вещей, о которых не знал Шеф, – не сочтут ли его замысел препятствующим торговле. Во всяком случае, утром, когда силуэты виселиц обрисовались яснее, настроение резко ухудшилось.

В этот заход на торг выставили только женщин – шесть рабынь, вытолкнутых вперед ухмыляющимися викингами. Каждую держали за руку, а хозяин расхаживал вокруг насыпи, расхваливая достоинства товара. Все они, как заметил Шеф, были юные девушки. По команде с них стащили одежду, и они стояли в коротких рубашках, не доходивших и до колен; в ярком солнечном свете белая кожа была открыта всем взорам. Толпа заулюлюкала, слышались похотливые восклицания.

– Откуда они? – спросил Шеф вооруженного стражника, стоявшего возле невольничьего ряда.

Тот с любопытством оценил телосложение и осанку Шефа и фыркнул в ответ:

– Венедки. Видишь, белая кожа и рыжие волосы. Их поймали на южном берегу Балтики.

– А кто покупатели? – Шеф теперь увидел группу темнокожих людей в странных одеяниях, проталкивающих вперед, чтобы осмотреть рабынь вблизи. Они были не в шлемах, а в тюрбанах и носили на поясах изогнутые клинки, поблескивающие дорогим металлом. Некоторые все время озирались по сторонам, будто опасаясь нападения.

– Люди из южных земель. Они молятся какому-то богу, который соперничает с христианским. Любят покупать женщин и платят золотом. В этом году им придется платить дорого.

– Почему?

Стражник снова с любопытством взглянул на Шефа:

– Говоришь по-норманнски, но ты вообще хоть что-нибудь знаешь? Цена на женщин подскочила, потому что испортился английский рынок. Из Англии раньше получали много хороших женщин.

Мавры из Кордовы начали задавать разные вопросы через толмача. Доброхоты повторяли их для толпы зрителей.

– Хочет знать, все ли они девственницы?

Шквал смеха, и кто-то ревет бычьим голосом:

– Альфр, я знаю, что та высокая – уже нет! Я видел, как ты ее вчера попробовал за палаткой!

Предводитель арабов оглянулся, пытаясь сердитым взглядом принудить зевак замолчать. Покупатели подозревали своего переводчика, столпились для совещания. Наконец назвали цену. Негодование, отказ, но новая цена не названа. Сделка состоялась – Шеф увидел блеск отсчитываемых монет и затаил дыхание: это не серебро, а золотые динары. Часть денег выплачивается распорядителю торгов и ярлу короля Хрорика, внимательно наблюдающему за происходящим. Женщин закутали и погнали прочь.

Затем был выставлен мужчина средних лет. Он выглядел странно: одет в обрывки черного рубища, вроде лысый, но на макушке пробивается черный пушок. Христианский священник, догадался Шеф, с давно не бритой тонзурой. Когда раб вышел вперед, через толпу к нему протолкался другой человек, словно хотел обнять, – еще один священник, еще одна черная ряса, но на этот раз тонзура свежевыбрита. Стражник оттолкнул его, распорядитель стал спрашивать цену.

Мгновенный ответ последовал от ватаги высоких людей, крепких телосложением и красующихся в мехах, несмотря на весеннее солнышко. Шведы, подумал Шеф, вспомнив произношение Гудмунда Жадного и других, кого он встречал в рядах Великой армии Рагнарссонов. Шведы предлагали восемь унций серебра. Один из них рванул кошель с пояса и бросил наземь, чтобы подкрепить свои слова.

Священник, которого оттолкнули, воротился и, увильнув от стражников, распростер руки, страстно что-то выкрикивая.

– Что он говорит? – пробормотал стражник.

– Пытается сорвать торги, – ответил Шеф, прислушиваясь к обрывкам норманнского и нижненемецкого языков, смешавшихся в воплях священника. – Говорит, они не имеют права покупать служителя истинного Бога.

– Они и его купят, если не заткнется, – проворчал стражник.

Действительно, шведы бросили на землю еще один мешочек серебра, обменялись какими-то фразами с распорядителем торгов и с довольными лицами направились к обоим священникам.

Но из толпы вышел еще один человек, и довольство исчезло, сменившись выражением озабоченности. Шеф, привыкший оценивать бойцов, сразу же понял почему.

Новоприбывший не был высок, ростом ниже самого маленького из шведов. Но он был на диво широк в плечах. И еще он двигался со спокойной уверенностью, которая расчищала ему дорогу. На нем была утепленная кожаная куртка, поношенная и с разнообразными клиньями, вшитыми тут и там. Левая рука покоилась на навершии длинного рыцарского меча. Волосы торчали белобрысым ежиком над лицом, как будто отчеканенным из металла – чисто выбритым, со здоровой кожей. И он улыбался.

Светловолосый пинками отправил кошельки к хозяевам.

– Он вам не достанется, – раздалась во внезапно наступившем молчании спокойная норманнская речь. – Ни один из них. Это слуги Христовы, и они под моей защитой. Под защитой ордена Копья, – неожиданно тихо добавил он и повел рукой вокруг.

Шеф увидел поблизости с дюжину людей, одинаково одетых и вооруженных. Их было больше, чем шведов. Но за событиями наблюдали добрых две сотни норманнов, тоже при оружии. Если они бросят общий клич против христиан или люди короля Хрорика решат защитить свободу торговли...

– Мы заплатим за одного из них, – сказал светловолосый примирительно. – Восемь унций. Христианские деньги так же хороши, как и языческие.

– Десять унций, – перебил цену предводитель шведов.

Распорядитель торгов вопросительно посмотрел на светловолосого.

– Двенадцать унций, – проговорил тот отдельно и выразительно. – Двенадцать унций, и я не стану спрашивать, как к вам в руки попал христианский священник и для чего христианский священник нужен этим. Двенадцать унций, и считайте, что вам повезло.

Швед потянулся к своему топору и сплюнул на землю.

– Двенадцать унций, – сказал он. – И деньги людей Одина лучше, чем деньги бритых христианских кастратов.

Шеф почувствовал, что стражник позади него дернулся, и увидел, как ярл короля Хрорика шагнул вперед. Швед, договорив, взмахнул топором, чтобы ударить. Но прежде чем кто-либо из них завершил свое движение, в воздухе сверкнула сталь, послышался хруст и судорожный вздох. Швед скрючился; из его туловища торчала медная рукоятка. Шеф понял, что светловолосый даже не пытался достать меч, а вместо этого выхватил из-за пояса тяжелый нож и метнул его снизу. Прежде чем эта мысль оформилась, незнакомец сделал три шага вперед и застыл, направив острие длинного меча точно под кадык работаровца.

– Мы договорились? – спросил он, бросив короткий взгляд в сторону растерянного ярла.

Продавец осторожно кивнул.

Светловолосый вернул меч в ножны.

– Просто небольшая ссора между друзьями, – пояснил он ярлу. – Торговле не мешает. Мы с товарищами будем счастливы уладить это дело где-нибудь за пределами города.

Ярл поколебался, затем тоже кивнул, не обращая внимания на крики шведов, склонившихся над телом своего предводителя.

– Плати деньги и забирай своего попа. И хватит шуметь, эй, вы там. Когда хочешь кого-то обозвать, сначала научись уворачиваться. Если недовольны, пожалуйста, можете драться. Но не здесь. Плохо для торговли. Давайте подходите, кто там следующий?

Когда христианские священники обнялись, а светловолосый вернулся к горстке ошетилившихся оружием бойцов, Шеф почувствовал, что его толкают на насыпь. На мгновение его охватила паника, как актера, забывшего свою роль. Затем, увидев суетящегося впереди Никко и встревоженного Карли позади, он вспомнил, что должен делать.

И начал медленно стаскивать грязную шерстяную рубаху.

– Что тут у нас? – спросил распорядитель торгов. – Сильный молодой мужчина, может выполнять простую кузнечную работу, продают его какие-то утконогие... Да без разницы, кто его продает.

Шеф швырнул рубаху на землю, поправил на груди серебряный амулет Рига и напряг мускулы, подражая поведению крестьянских батраков при найме. Солнце высветило на спине старые шрамы от порок, которым много лет назад подвергал его приемный отец.

– А он смиренный? – выкрикнул кто-то. – Он совсем не выглядит послушным.

– Раба можно сделать послушным! – закричал Никко, стоявший рядом с распорядителем торгов.

Шеф задумчиво кивнул, подходя к ним. При этом он аккуратно расправил пальцы левой руки и сжал их в кулак, большим пальцем прикрывая вторые суставы указательного и среднего, как показывал Карли. Это должно смотреться эффектно. Не толкотня и не возня.

Выдвинув вперед левую ногу согласно наставлениям Карли, он нанес левой рукой короткий боковой удар, подкрепляя его всем весом тела и как бы стараясь бросить кулак за свое правое плечо. Левый хук пришелся не в челюсть Никко – Карли не советовал так делать начинающему, – а в правый висок. Грузный мужчина, не ожидавший удара, сразу же рухнул на колени.

Шеф схватил его за ворот, поднял на ноги и развернул лицом к толпе.

– А вот утконогий! – крикнул он по-норманнски. – Болтает много. Ни к чему не пригоден. Сколько за него дадите?

– А я думал, это он тебя продает, – раздался голос.

Шеф пожал плечами:

– Я раздумал продаваться. – Он обвел взглядом толпу, стараясь заморозить ее своим единственным глазом.

Что делает человека рабом? По большому счету только его согласие. А раба, который вовсе не согласен, вовсе не подчиняется, можно убить, но он не стоит даже гроша. Шеф заметил небольшую стычку на краю рынка – это сын и племянники Никко спешили на помощь, но Карли со сжатыми кулаками загородил им дорогу.

– Ладно-ладно, – зарычал ярл в самое ухо Шефу. – Вижу, что из вас двоих ни одного не продашь. Но я тебе вот что скажу: ты все равно должен заплатить сбор, а если не сможешь, ваши жизни и будут платой.

Шеф огляделся. Опасный момент. Он рассчитывал увидеть дружеское лицо несколько раньше, но, похоже, встреченные на дороге датчане не успели разнести весть. Теперь придется самому договариваться с ярлом. У него в собственности осталось только две вещи. Одной рукой он сгреб серебряный амулет – это последняя надежда. А предпоследняя?

Гунгнир воткнулся в дерн у его ног. Карли, сияя и потирая костяшки пальцев, радостно кивнул ему. Шеф потянул копье на себя, чтобы показать высокомерному ярлу руническую надпись и попробовать сторговаться.

– Если одноглазый продается, – раздался голос, – я его куплю. Я знаю того, кому он очень нужен.

С похолодевшим сердцем Шеф повернулся на голос. Он надеялся, что его опознает друг. Допускал, что может появиться враг, но рассчитывал, что сторонники Рагнарссонов, знавшие его по службе в Великой армии, находятся с флотом Рагнарссонов по ту сторону Дании. Он забыл о том, что викинги – народ вольный и кочевой; одни приходят в войско, другие уходят, и так без конца.

Это был Лысый Скули, который командовал осадной башней, штурмуя год назад стены Йорка вместе с Шефом, но затем связал судьбу с Рагнарссонами. Сейчас он вышел из толпы, и по пятам за ним сомкнутым строем шагала команда его корабля.

В тот же самый миг некий внутренний сторож подсказал Шефу, что на него неотрывно смотрит еще один человек. Он повернулся и встретился со злобным взглядом черных глаз.

Узнал их сразу же. Черный дьякон, которого он впервые увидел в момент казни Рагнара, а в последний раз – на борту судна после разгрома крестоносцев при Гастингсе. Эркинберт стоял рядом со спасенным чернорясым священником, быстро что-то говоря светловолосому германцу и показывая на Шефа.

– Скъеф Сигвардссон Убийца Ивара, – ухмыляясь, произнес Скули уже в нескольких шагах от Шефа. – Я готов заплатить больше рыночной цены. Рассчитываю, что братья Ивара дадут за тебя вес серебра.

– Если сможешь взять! – рявкнул Шеф, быстро отступая и высматривая стену, к которой можно прислониться спиной.

Он понял, что Карли в беде не оставит. Тот вытащил меч, перекрывая нарастающий гул боевым кличем. Шеф понял, что парень забыл все, чему его учили; он держит оружие, как рубщик тростника. Если дойдет до боя, Карли не продержится и пяти ударов сердца.

Теперь в поле зрения Шефа оказался и светловолосый германец, тот тоже вытащил меч, а его люди старались отгородить собой Шефа от Скули. Белобрысый что-то кричал о цене. В отдалении суетились рабы и торговцы: одни – собирались унести ноги, а другие – присоединиться к той или иной стороне. Стражники короля Хрорика, оставшись не у дел, когда вдруг схлынула толпа покупателей, пытались построиться клином, чтобы врезаться в середину толпы дерущихся.

Шеф сделал глубокий вдох, взвесил на руке копьё. Он пойдет прямо на Скули, а потом попытает счастья с Эркинбертом и христианами. Но сначала акт милосердия. Он повернулся, собираясь оглушить ничего не подозревающего Карли древком. Есть шанс, что лежащего на земле пощадят, чего не случится, если крепыш полезет в драку.

Что-то уцепилось за копьё, потянуло книзу, сковало движения Шефа. Еще что-то накрыло голову, ослепив его. Пока он старался освободиться, отчаянно вырываясь из-под покрывала, его настиг мягкий толчок в затылок, и он обнаружил, что стоит на одном колене, пытаясь подняться и увидеть хоть что-нибудь. Если потеряет сознание, то следующим, что увидит, может оказаться лицо Рагнарссона, собирающегося вырезать из его ребер кровавого орла.

Кто-то подсек Шефа под ноги, и он ударился головой о землю.

Глава 8

– Сожалею о случившемся, – сообщил голос, и по другую сторону стола возникло расплывчатое круглое лицо. – Услышь я о тебе хоть чуть-чуть пораньше, выкупил бы тебя у твоих друзей из Дитмаршена и ничего умнее просто не смог бы придумать. Но ты сам король и знаешь, как это бывает, – король настолько мудр, насколько велики его знания.

Шеф вытаращился, пытаясь разглядеть говорившего, оторопело помотал головой и поморщился.

– Так, – сказал круглолицый, – кажется, ты меня не слышишь. Где болит?

Шеф потер левый висок, осознав в тот же самый момент, что припухлость на голове находится справа. Перед его лицом помахали рукой, и он понял: говоривший проверяет, все ли в порядке у него с мозгами.

– Шишка с одной стороны, а болит с другой. Можно подумать, что мозги свободно болтаются в черепе, – продолжал вежливо беседовать круглолицый. – Вот почему многие ветераны боев становятся... маленько странными, скажем так. Мы называем это *vitrhogg*, ответный удар. Вижу, ты слегка оправился. Давай начнем сначала. Я Хрорик, король Хедебю и Южной Ютландии. А ты?

Шеф неожиданно улыбнулся, сообразив наконец, о чем ему говорят:

– Я твой собрат, Шеф, король Восточной и Средней Англии.

– Отлично! Я рад, что все обошлось. Подобные волнения на рыночной площади бывают довольно часто, и мои парни знают, как действовать. Набрасывают парусину на всю свору и, пока она барахтается, разоружают самых опасных драчунов. Мы не можем регулярно терять наших клиентов.

Огромная ручища налила вино в сосуд, в котором Шеф быстро признал золотой кубок.

– Добавь сюда воды, и скоро почувствуешь себя лучше.

– Вы сегодня потеряли одного клиента, – заметил Шеф, вспомнив нож, вонзившийся в сердце шведского купца.

– Да, это неприятно. Однако мой ярл сообщил, что погибший сам напрашивался. Кстати...

Толстый палец подцепил и вытянул амулет Шефа из-под рубахи, которую, как тот догадался, кто-то разыскал и надел на него.

– Ты человек Пути, я прав? Поэтому тебе должно быть мало дела до христиан. Совсем не дружишь с ними, судя по твоей победе над франками, и, осмелюсь заметить, христиане к тебе относятся еще хуже. А вот я вынужден иметь с ними дело. По ту сторону Датского Вала – германские копейщики, и только Один знает, сколько их. Это верно, что они все время дерутся между собой, и не менее верно, что они больше боятся нас, чем мы их. Но я не ищу неприятностей, особенно в вопросах религии. Поэтому всегда разрешаю христианам присылать сюда священников и проповедовать учение и никогда не возражаю против крещения рабов и женщин. Конечно, если эти бедняги забредают в глухомань, где их продают в рабство или самих крестят в трясине, с меня взятки гладки. Я поддерживаю порядок в Хедебю и на торговых путях и вершу суд в нашем тинге. Указывать моим подданным, во что им верить или кого оставить в покое... – Толстяк засмеялся. – Ты-то понимаешь, насколько это может быть опасно. Но теперь появилось нечто новенькое. Этой весной, когда священники из Гамбурга пришли на север, каждого из трех или четырех миссионеров сопровождала охрана. Не настолько большая, чтобы назвать ее армией, недостаточная даже для серьезного боя, и вдобавок они хорошо платили. Так что я их впустил. Но вот что я тебе скажу, – круглолицый наклонился к Шефу, – как один король другому. Очень опасные люди. И очень ценные люди. Хотел бы я нанять себе

полдюжины таких. О том, которого ты видел, о белобрисом с волосами как щетка, начальник моей стражи сказал, что это один из самых стремительных бойцов. И очень ловкий.

– Он быстрее, чем Ивар Рагнарссон? – спросил Шеф.

– Ивар Бескостный? О, я и забыл, что ты с ним расправился.

Благодаря вину зрение Шефа постепенно прояснилось, и он повнимательней присмотрелся к крупному мужчине, откинувшемуся на стуле так, что спинка трещала. Золотой венец на голове, тяжелая золотая цепь на шее и массивные браслеты на руках. Внешность добродушного мужичонки, какого-нибудь хозяина мирной городской таверны. Но глаза под густыми бровями пронизательные, и сеточка шрамов от затянувшихся ран покрывает мускулистое правое предплечье, как у заядлых бойцов. Удачливый боец, потому что у неудачливых раны уже не затягиваются.

– Да, я тебе, конечно же, за него признателен. Ивар очень меня беспокоил, а его братья беспокоят и до сих пор. – Хрорик тяжело вздохнул. – У короля здесь трудная жизнь, по ту сторону Датского Вала грозят христиане и их империя, а на севере – пятьдесят морских королей, вечно спорящих, кто самый главный. Христиане говорят, что им сейчас нужен император. Я иногда думаю, что и нам тоже. Но дело вот в чем. Если вдуматься, нам ведь придется решать, кто им станет. Может быть, я. Может быть, ты. А может быть, Сигурд Рагнарссон. Если он, то ни ты, ни я не доживем до следующего дня, да и не захотим дожить.

Ну да я увлекся. Вижу, тебе здорово досталось, и сдается, ты не откажешься от хорошего ужина. Почему бы тебе не посидеть где-нибудь на солнышке, пока не придет пора трапезничать? Я прослежу, чтобы ты был в безопасности.

– Мне нужны деньги, – сказал Шеф. – Человек, которого я ударил на рынке, – это он привел меня сюда, и он неделю меня кормил. Я должен заплатить ему. А еще нужны деньги на проезд домой. Может, в порту есть английские купцы? Я бы взял у них в счет моих собственных средств или средств моего соправителя Альфреда.

Хрорик оставил в покое звонок:

– Все улажено, за все заплачено. Дитмаршенцев я отпустил вполне счастливыми. Я всегда стараюсь ладить и с ними тоже, ведь когда разъярятся, они несносны. Хотя один юноша настоял на том, чтобы задержаться. Не благодари меня, ты всегда сможешь расплатиться. А насчет возвращения домой... Что нет, то нет.

Шеф взглянул в хитрое веселое лицо. В углу виднелось копьё Гунгнир, прислоненное к стене. Но он не питал иллюзий относительно возможности добраться до него.

– Остаться здесь, с тобой?

– Собственно говоря, я тебя продал, – подмигнув, ответил Хрорик.

– Продал? Кому?

– Не волнуйся, не Скули. Он предложил пять фунтов серебра. Христиане дошли до десяти плюс отпущение всех грехов – от самого папы и написанное пурпурными чернилами.

– Тогда кому?

Хрорик снова подмигнул:

– Твоим друзьям из Каупанга. Жрецам Пути. Их предложение было слишком хорошим, чтобы отказаться. Они все твердили о каком-то испытании. Но это ведь лучше, чем пытки Сигурда Змеиный Глаз? Как считаешь?

С кольцами кровавой колбасы на поясе, большой буханкой черного хлеба под мышкой и щепоткой соли в руке Шеф вышел под лучи послеполуденного солнца, собираясь дожидаться обещанного королем Хрориком ужина. Его окружали с полдюжины стражников, гарантируя одновременно, что никто на него не нападет и что он сам не сбежит из города. Их сопровождал Карли, на этот раз довольно грустный, со своим мечом на поясе и копьем Шефа на плече.

Несколько минут ватага двигалась по тесным улицам Хедебю, заполненным лотками с янтарем, медом, южными винами, оружием, костяными гребешками, обувью, железными слитками и всем, что только можно было купить или продать в Скандинавских странах. Затем, когда Шеф уже устал от тесноты и нескончаемой сутолоки, он увидел невысокий зеленый бугор, находящийся внутри городского частокола, но в стороне от построек и толпы. Он молча указал на ограду и первый направился туда. Боль в голове прошла, но двигался он все еще медленно и осторожно, боясь случайным движением разбудить ее. И Шеф с трудом понимал, что происходит, как будто он находился под слоем воды.

А ему было о чем поразмыслить.

Взобравшись на курган, Шеф сел на его вершине, устремил взор на север, где синел залив и зеленели поля. Карли помялся, потом воткнул копье древком в мягкую почву и тоже уселся. Стражники переглянулись.

– Ты не боишься курганных ведьм? – спросил один из них.

– Я бывал на могильниках и раньше, – отвечал Шеф.

Он заметил, что нож с его пояса исчез, – Хрорик ни в чем не полагался на авось. Шеф отдал колбасу Карли и попросил нарезать, а сам стал ломать хлеб. Стражники с опаской устроились вокруг них, кто на корточках, кто прямо на земле.

Через некоторое время, набив живот и погрев спину на солнце, Шеф указал на плодородные земли, окружающие город. Река Шлей текла севернее, и на противоположном берегу виднелись огороженные поля, пахари с упряжками волов, черные свежевзрытые борозды. Тут и там среди деревьев курились дымки. Англичанину земля викингов представлялась родиной огня и меча, а ее обитатели – моряками и воинами, а не пахарями и углежогам. Но здесь, в самом сердце норманнской вольницы, окрестности выглядели так же мирно, как Суффолк в летний день.

– Я слышал, что именно отсюда когда-то давно племена перешли в Англию, – сказал Шеф ближайшему стражнику. – Здесь еще живут англыв или саксы?

– Нет, – ответил стражник. – Только датчане. Некоторые называют себя ютами, когда не хотят признавать родства с королями островов. Но они все говорят по-датски, как и ты. Хотя эта сторона все еще называется Англе.

Вот этот клин между рекой Шлей и фьордом Фленсбург, – похоже, англичане и в самом деле родом отсюда.

Шеф задумался. Вот и рухнула его надежда спасти здешних англичан от датского гнета. А все-таки непонятно, почему в Дитмаршене не говорят на языке датчан, хотя живут бок о бок с ними. И странный у них язык: не английский, и не датский, и даже не тот неизвестный, напоминающий немецкий язык, на котором говорил священник сегодня утром. Имеет что-то общее с каждым из них, но больше всего, пожалуй, похож на фризский, которому Шеф научился у людей с островов, расположенных вдоль немецкого берега. Когда-то здесь смешивались все племена и языки. Теперь границу можно провести отчетливей: христиане по одну сторону, язычники – по другую, здесь говорят по-норманнски, там – по-немецки. Но варево еще кипит. Стражник уверен, что Шеф говорит на датском, *donsk tunga*, другие считают этот же язык норманнским, *noršk mal*. Одни и те же люди сегодня называют себя датчанами, а завтра ютами. Шеф – король восточных англов, а Альфред – западных саксов, но и те и другие считают себя англичанами. Германскими народами правит тот же самый папа и та же королевская династия, что и франками, но они не считают себя родственниками. Шведы и готы, норвежцы и гадгедлары. Когда-нибудь все это придется рассортировать. Давно пора навести порядок. Но кто сможет прочертить границы, принять законы, и все это на уровне более высоком, чем порядок Хрорика: «хорошо для торговли»?

Без особого удивления Шеф увидел, что к ним с улицы направился светловолосый германец, тот самый, который утром убил шведа и спас от рабства священника. Стражники Хро-

рика тоже увидели его и не стали корчить из себя хладнокровных воинов. Двое с обнаженными мечами и поднятыми щитами сразу загородили ему путь, а еще четверо, в пяти шагах позади, вскинули копья.

Светловолосый улыбнулся, с преувеличенной старательностью расстегнул перевязь меча и уронил ее на землю. По резкому приказанию начальника стражи он снял кожаную куртку, извлек из рукава тяжелый метательный нож и короткое шило из сапога. Тогда один стражник приблизился и обыскал его со всей тщательностью. И наконец охрана неохотно отступила и позволила блондину пройти, держа наготове сулицы. Когда его отделяли от Шефа последние несколько шагов, Карли тоже вытащил меч и принял агрессивно-недоверчивую позу.

Светловолосый глянул, как Карли держит меч, вздохнул и, скрестив ноги, уселся напротив Шефа. На этот раз его улыбка была заговорщицкой.

– Меня зовут Бруно, – заявил он. – К датчанам я приехал по поручению архиепископа Гамбурга и Бремена. Да ты знаешь, нужно выкупить некоторых наших людей. Мне сказали, что ты знаменитый Шеф Сигвардссон, победитель еще более знаменитого Ивара.

По-норманнски он говорил с заметным акцентом, из-за чего имя Сигвард звучало у него почти как Зигфрид.

– Кто тебе это сказал?

Снова понимающая улыбка.

– Наверное, ты уже догадался: это твой маленький соотечественник, дьякон Эркенберт. Он очень сердит на тебя. И все же не стал отрицать, что ты побил Ивара на мечах.

– С алебардой против меча, – поправил Шеф и решил больше не вдаваться в подробности.

– Пусть так. В этой игре не часто выигрывают. Но ты пользуешься необычным оружием. Можно взглянуть на твоё копьё?

Бруно поднялся и стал рассматривать копьё, демонстративно заложив руки за спину.

– Отличное оружие. Недавнейковки, как я погляжу. Я интересуюсь копьями. И другими вещами. Можно взглянуть, что ты носишь на шее?

Игнорируя предостерегающее ворчание Карли, Шеф снял цепочку с серебряным амулетом Рига и подал Бруно, который снова уселся и погрузился в раздумье.

– А скажи, как вы это называете?

– Kraki, – ответил Шеф. – Такая лесенка: один шест и в обе стороны от него перекладины. Это знак моего бога.

– Однако ты, я полагаю, крещёный? Какой срам, что человек, познавший истинного Бога, поклоняется языческому идолу. Не чувствуешь ли ты потребности вернуться назад? Скажем, если некоторые... э-э... препятствия будут убраны с твоего пути.

Шеф впервые за время разговора улыбнулся, вспомнив ужас, который внушали ему и другим черные монахи Вульфхер и епископ Даниил. Он помотал головой.

– Понимаю, ты не хочешь ни с того ни с сего менять свое решение. Но позволь предложить тебе две темы для размышления, – продолжал светловолосый. – Первая такая. Со стороны кажется, будто причина всех религиозных распрей – земли и деньги. Так оно и есть! Хрорик не отдал тебя мне потому, что от других надеялся получить больше, и потому, что не хочет ни в чем нам помогать. Мне известно, что ты покоришь английское королевство, отменив десятину, которую люди должны платить церкви, и введя вашу ересь – право верить в любых богов. Но ты, конечно, понимаешь, что под спудом этих распрей скрывается нечто более важное. Не просто борьба людей, а борьба иных, высших сил.

Вспомнив недавнее загадочное видение, властные голоса своих покровителей и других богов в Асгарде, непостижимом мире снов, Шеф медленно кивнул.

– Существуют силы, с которыми человеку лучше не связываться. Святая Церковь зовет их чертями и дьяволами, и ты можешь подумать, что это просто предрассудок, защищающий ее – как это называется? – исключительное право на спасение души. Что ж, я тоже знаю попов

и тоже презираю их за жадность и торговлю святынями. Но я говорю тебе, Шеф Сигвардссон, как воин воину: грядут великие перемены и приближается Тот, кто вызовет их. В этот день царства будут разрушены и переплавлены в новый сплав, а священники – да, и архиепископы, и папы римские, – которые норовят вести паству, сами будут ведомы. В этот день ты не захочешь оказаться на стороне лживых.

– А как узнать, на чьей стороне правда? – спросил Шеф, замороженный отблеском страсти на суровом чеканном лице.

Услышав, как зазвенел голос Бруно, стражники подошли ближе; они словно ожидали вспышки ярости.

На лице блондина вдруг появилась на удивление привлекательная улыбка.

– О, будет знак. Да такой, что никаких сомнений не останется. Чудо, реликвия, что-то ниспосланное Господом для царя земного. – Он встал, собираясь уходить.

– Ты говорил про две темы для размышлений. Быть на стороне правды, когда царства разрушатся, – это первая. А вторая?

– Ах да. Я должен сказать, что ты несколько заблуждаешься насчет твоего знака. Надеюсь, другие знаки распознаешь лучше. То, что ты носишь на шее, может называться «краки» на норвежском языке или «лестницей» на нашем с тобой. Но на латыни... Ты слышал латынь от священников? Так вот, это *graduale*. От слова «ступенька», понимаешь?

Шеф выжидал с недоумением.

– Есть люди, которые верят в святой *Graduale*. Франки называют его святым Граалем. Ужасно, как франки коверкают латынь: можешь представить себе язык, на котором *aqua* – «вода» – произносится *eau*? Да, святой Грааль – это и есть то, что ты носишь на шее. Некоторые утверждают, что он должен сочетаться со Святым Копьем.

Бруно шагнул к своей одежде и оружию и стал не спеша собирать, по-прежнему под прицелом копий. Он кивнул Шефу на прощание и размеренно зашагал в сторону рынка.

– О чем он говорил? – с подозрением спросил Карли.

Шеф не ответил. Усиливалось ощущение, что он находится под водой, теперь уже на глубине в несколько сажений, но в воде чистой, не замутняющей зрение. Продолжая смотреть на мирные поля Англии, он почувствовал на шее хватку, которая подсказала, что его взор будет направляться сторонней силой. Поверх зеленеющих и свежевспаханых полей и струящегося из печных труб дыма начали разворачиваться другие картины.

Он снова видел ту же самую местность, но на ней не было построек Хедебю, деревья росли гуще, а пашни встречались реже. Это Англе, каким оно было при англичанах; знание пришло к Шефу само.

В устье реки Шлей входили десять длинных боевых ладей, похожих на корабли Сигурда Рагнарссона, но более примитивной конструкции. Неуклюжие и громоздкие посудины без мачт и парусов, без изящной завершенности и плавности линий. Просто большие весельные лодки. Взгляд Шефа следовал за ними. Вот они, поднимаясь по реке, обнаружили приток и прошли по нему в неглубокое озеро. На мелководье викинги высадились и рассыпались по берегу; возвращались уже ближе к вечеру, с выюками награбленного скарба, с бочками и кусками металла, с гуртами скота и полоном. Они загрузили лады, разожгли во тьме костры и принялись забивать скот и насиловать женщин. Шеф смотрел не шевелясь – в реальности он видел вещи и похуже, причем вблизи, а не только издалека.

Воины этой земли не рассеялись в панике, они вооружались и собирались с силами. У них появился вождь. На речке, по которой добрались до озера, жители загородили проход поваленными деревьями. Затем мстители подобрались к месту пиршества и буйства. Из-за деревьев посыпались стрелы. Враги бросили свои забавы, кинулись за оружием, выстроились для

обороны. Несколько женщин сбежали, ускользнув в заросли или укрывшись в черных водах озера. Другие были сражены стрелами, зарезаны разъяренными чужаками.

Местные построились в линию и, подняв щиты, атаковали. Захватчики встретили их, несколько минут противники кромсали желтые деревянные щиты, затем местные отступили. Из-за деревьев снова посыпались стрелы. В темном лесу раздался голос, обещавший отдать всех врагов богу войны, а трупы развесить по деревьям на корм птицам. Пришлые сели на свои ладьи и в лучах рассвета попытались отступить к морю, но встретили завал из бревен. За время долгой утренней сечи Шеф видел – в ускоренном движении, словно сражались две армии муравьев, – как чужаки гибли или разбегались, как уцелевших ловили сетями или зажимали щитами. Под конец десять ладей с разбитыми веслами были вытащены на топкий берег, в них стояли и лежали сто двадцать угрюмых пленников.

Победители очистили местность от тел и оружия, по приказу своего вождя сложили их у захваченных судов. Шеф ожидал увидеть, что у пленных отнимут доспехи и все ценное и поделят между собой. Вместо этого в ладьях стали пробивать дыры. Захваченные копья втыкали в бревна и гнули так, что железные наконечники становились бесполезными. Луки и стрелы ломали, в бронзовых шлемах делали пробоины, мечи размягчали на огне и щипцами скручивали в спираль. Наконец занялись пленными; каждого подводили к котлу, наклоняли и, перерезав глотку, сливали кровь, как из свиньи на Михайлов день. Трупы побросали в ладьи, которые оттолкнули от берега, чтобы тонули на середине озера, а испорченное оружие оставили на болотистом берегу.

И люди ушли из этих мест. Долгие годы все валялось там, где было брошено, и никто туда не приходил, кроме редких озорных ребятишек. Лодки, обглоданные червями тела и оружие медленно тонули в черном иле. Еще медленней высыхало озеро. Теперь на его месте паслись коровы, никакой памяти о случившемся не осталось ни у победивших англоv, чьи потомки ныне жили далеко за морем, ни у островитян, которые так ничего и не узнали о судьбе ушедших в бесславный поход.

Зачем же они так поступили, задумался Шеф. Тут вместо реального мира с его реальной историей предстали картины движущиеся, картины фантасмагорические. Над голой равниной вставало солнце. Нет, не солнце, а огненный шар на колеснице. Взмывленные кони в ужасе несли ее прочь. За ними по небу мчались гигантские волки, высунув язык; эти звери были полны решимости догнать коней и проглотить светила. Когда не видно солнца или луны, подсказал кто-то Шефу, это значит, что на них падает тень волков. Однажды волки догонят, и кровавый дождь прольется с неба, прежде чем солнце и луна исчезнут.

На равнине росло огромное дерево, дававшее воздух, тень и жизнь всему миру, раскинувшегося под его ветвями. Присмотревшись, Шеф заметил, что дерево постоянно извивается от боли. Под землей он разглядел змея, что глодал, брызжа ядом, главный корень. В море плавал еще более устрашающий змей, время от времени всплывая, чтобы одним движением гигантских челюстей утащить корабль вместе с парусом. В глубине, далеко от древесного и морского гадов, Шеф своим новым зрением видел неясные очертания змея поистине чудовищных размеров, прикованного цепью к основанию мира и корчащегося в муках так, что тряслась земля. Он тоже страдает, постоянно борется и однажды вырвется на свободу, чтобы подгонять небесных волков и морского змея.

Таков мир, который знают язычники, подумал Шеф. Неудивительно, что они боятся своих богов, ненавидят их и стараются умиловить собственной жестокостью. А боги тоже боятся, даже Один, Отец Всего Сущего, страшится предстоящего Рагнарёка, Судного дня, но не знает, как избежать его. Если бы язычники ведали лучший путь, они бы вступили на него. Он вспомнил проповедь Торвина о дороге в Асгард. Подумал также о Белом Христе², о страдаль-

---

² Северяне в эпоху викингов называли Христа Hvítakristr – Белый Христос. По одной из гипотез, из-за того, что новооб-

ческом лице под терновым венцом, которое видел однажды у деревянной статуи в кафедральном соборе города Или. Вспомнил злосчастного короля Эдмунда, умершего от руки Ивара.

Но это еще не все, подсказал ему кто-то. Это только часть. Однажды ты сможешь увидеть мир таким, каким его видят христиане. А пока запомни то, что увидел. Помни о волках в небе и змее в море.

Приятное тепло, согревавшее спину Шефа, исчезло. Когда наконец вернулось обычное зрение, он осознал, что широко раскрытым немигающим глазом по-прежнему смотрит за реку. Зеленые поля никуда не делись, но вечернее солнце скрылось за облаками. Охранники, отойдя в сторону, поглядывали на Шефа и встревоженно переговаривались.

Прямо перед ним стоял, преклонив колено, человек и пылливо вглядывался в лицо. Шеф по белым одеждам и ожерелью из ягод рябины признал жреца Пути и заметил серебряную лодочку, свидетельствующую, что это жрец морского бога Ньёрда.

– Я Хагбарт, – сказал жрец. – Пришел, чтобы сопроводить тебя в Каупанг. Мои собратья с волнением ждут встречи, дабы испытать тебя на нашей земле. Нам очень повезло, что ты приплыл сюда из Англии... – Он помялся. – Не расскажешь ли, что сейчас видел?

– Ничего, кроме мира, каков он есть, – отвечал Шеф.

– Видеть вещи такими, какие они есть, – это редкий дар, – заметил Хагбарт. – И уж совсем редкость – видеть среди бела дня. Возможно, ты истинный пророк, как утверждает Торвин, а не лживый посланник Локи, как считают остальные. Я буду твоим свидетелем. А сейчас мы должны идти.

– В замок Хрорика?

– А оттуда в Каупанг.

Шеф встал с земли и понял, что успел закоченеть. Ковыляя вниз по склону холма, а потом по улицам Хедебю, он размышлял об увиденном. Его ли собственный разум подсказывал принять предложение христианина Бруно? Было ли увиденное предостережением, рассказом об истинной природе мира, в котором он пребывал, – мира морских королей, мира, возникшего за сотни поколений из крови и страха?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.